

Реализм здесь соседствует с волшебством. Чудо, сколь Сара Пэйнтер преуспела в этом искусстве.

CHICK LIT REVIEWS

ВЕСЬ *ЭТОТ* СВЕТ

САРА
ПЭЙНТЕР

Сара Пэйнтер
Весь этот свет

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Пэйнтер С.

Весь этот свет / С. Пэйнтер — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-04-100528-3

Мина видит призраки птиц, обычно перед тем как происходит нечто неприятное. Увидев утром на кровати силуэт чижики, она сразу поняла – день будет не из легких. Следующее ее пробуждение случается много времени спустя. Мина медленно выходит из комы, оказавшись в больнице, где раньше сама работала. Она помнит лишь, что должна зачем-то позвонить брату-близнецу Джейренту, которого давно не видела, и сторонится своего жениха Марка, хотя он окружает ее заботой. Вечерами в коридорах Мине мерещится тень молодой медсестры в форме тридцатых годов, а в палате снова появляются птицы. Единственным ее другом становится Стивен Адамс, местный врач. Он приносит ей книгу – историю больницы. И именно на этих страницах Мина находит первый ключ к разгадке произошедших с ней странных событий...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-100528-3

© Пэйнтер С., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Мина	6
Грейс. Август 1938-го	9
Мина	13
Грейс	22
Мина	25
Грейс	35
Мина	37
Грейс	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сара Пэйнтер

Весь этот свет

© А. Смирнова, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Мина

Порой вы просто знаете, что все вот-вот пойдет наперекосяк. Судьба подает разные знаки: идет дождь; хлеб покрылся плесенью, а молоко купить вы забыли; машина не заводится, несмотря на то, что вы заплатили семьсот баксов механику, не способному оправдать доверие. Женщинам часто несут плохое предзнаменование волосы. Растрепана. Вы моете голову, сушите феном, причесываете, поливаете слоем лака, способным обезвредить небольшую армию. Но пристальный взгляд в зеркало выдает ужасную правду: вы все равно выглядите как чучело.

Я ничего не имею против дождя, а фена у меня вообще нет, но я знаю: день, в который вы, проснувшись, первым делом увидели призрак птицы, хорошим быть не может.

Маленькая птичка кружила под снежными пиками узора на потолке. Натянув одеяло до подбородка, я смотрела, как она порхает из угла в угол. Марк спал, закинув руку за голову. Ему было все равно. Я видела птицу в мельчайших подробностях, от ярко-желтых маховых перьев до серо-голубого пламени на хохолке. Но я знала – это не настоящая птица. Будь она настоящей, она бомбардировала бы окно, колотилась бы в стекло в приступе паники. Но она облетела всю комнату и приземлилась на комод, служившем мне туалетным столиком. Уселась среди флаконов духов, баночек с увлажняющим кремом, коробочек с тенями для век и груды надоевших украшений, уставилась на кровать. Ее глаза были яркими и такими живыми. Она очень медленно повернула голову, будто разглядывая меня. Потом исчезла.

Вскоре зашевелился Марк.

– Ради бога, не говори, что уже утро. – Он закрыл лицо рукой, из-за раздвинутых пальцев выглянул покрасневший глаз. Марк вчера пил виски с друзьями с работы и лег в кровать где-то около двух.

– Ты опаздываешь, – сказала я.

Он выругался и, перекатившись через меня, слез с кровати. Побрел в маленькую ванную. Я услышала шум воды.

Стоя там, где только что сидела птица, я думала – почему, если они снова начали мне мерещиться, на этот раз привиделся чиж? Любимая мамина птица...

Марк вышел из душа – полотенце обернуто вокруг талии, светлые волосы потемнели от увлажняющего геля. Спрыгнув с кровати, я быстро одевалась; когда он попытался схватить меня в охапку и поцеловать, вывернулась из объятий.

– На это нет времени.

Я поставила чайник, насыпала в чашки растворимый кофе и постаралась не обращать внимания на чижику, который теперь сидел на карнизе и смотрел на меня сквозь грязное стекло.

Все еще сонный, Марк тем не менее поймал меня возле раковины, прижал спиной к кухонному столу и поцеловал. Я обвила его руками, как если бы пыталась обхватить большую территорию. Я пыталась расслабиться, прижавшись к его мощному телу, утихомирить расшатанные нервы, но слышала лишь тихое «тук-тук». Стук маленького клюва по стеклу. По всем законам логики его должен был заглушить шум закипающего чайника, стало быть, этот стук звучал в моей голове. Не слишком приятный вывод.

– Все хорошо, малышка? – Резкие морщины на лбу Марка стали глубже. Я улыбнулась ему и потянулась за чайником. Руки тряслись. Марк тут же подбежал с мокрым полотенцем, убрал рассыпанные гранулы, вытер лужицу воды и взял у меня кружку, чтобы самому размешать свой кофе.

Я повернулась спиной к окну и изо всех сил попыталась не замечать птицу.

– Ты меня слышишь? – Хмурые складки, казалось, прочертили за эти дни неизгладимый след на лбу Марка. Не имея опыта длительных отношений, я не знала, в порядке ли вещей

возникшие между нами неловкость и отчужденность, не знала, что значит напряжение, нараставшее в моей груди, когда он говорил со мной, – признак настоящих взрослых отношений или что-то другое.

Он налил в чашку холодной воды, долго пил.

– Я заказал столик сегодня на восемь, все в силе?

Я кивнула.

– Придешь вовремя?

– В восемь часов и ни минутой позже, – ответила я и проскользнула мимо него в гостиную, чтобы одеться, стараясь скрыть внезапное раздражение.

Зазвонил телефон; я крикнула Марку, чтобы не брал трубку.

– У нас нет времени.

Голос Пат, над которым не властны были расстояние и технологии, вынудил меня остановиться, наполовину просунув голову в свитер.

– Это сообщение для того, кто самовольно заселился в квартиру Мины Морган. Если вы вызовете служащих похоронного бюро, чтобы они доставили ее останки родственникам, мы будем очень благодарны.

Я замерла, не в силах пошевелиться – вдруг Пат почувствует мое присутствие. Марк направлялся к телефону; я яростно замотала головой.

– Если же она еще жива, возможно, вам удастся у нее выяснить, почему вот уже четыре недели ей не хватает элементарного приличия позвонить домой.

Телефон замолк – только для того, чтобы немедленно зазвонить снова.

– Малышка, – сказал Марк, – ты же знаешь, она не отстанет.

Он уже не боялся опоздать. В списке того, что его беспокоило, семейные обязанности стояли на первом месте. Тот факт, что я до сих пор не познакомила его с тетей и дядей, был одним из камней преткновения в наших отношениях.

– Времени нет. Нам надо идти. – Я собирала вещи, хватала сумочку, пальто, мобильник так лихорадочно, будто торопилась на срочный вызов. – Опаздывать нельзя.

– Малышка...

Всего одно слово. Одно слово, полное разочарования в океан глубины. Зная меня два года, Марк по-прежнему не мог понять: этого недостаточно, чтобы изменить мое решение.

Есть много вопросов к Ромулу и Рему. В историях о близнецах один обычно хороший, а другой – как раз наоборот. Моя тетя Пат на стороне зла. Мама каждую свободную секунду посвящала тому, что мастерила «ловцы снов». Ракушкам, оленьим жилам и коричневым перьям она предпочитала ленты, кружево и розовых пластмассовых райских птиц, что сидели внизу обруча, очаровательно и бессмысленно блестя глазами из камушков. Они по-прежнему захламляют дом тети Пат, и у меня лежит в коробках несколько штук. Мама сумела не дожить до двадцать первого дня рождения. Легко быть хорошим, если рано умереть. Спросите у любого святого.

У тети Пат иной талант. Она настоящий эксперт по закрыванию глаз. Увидев что-то мерзкое, или гадкое, или просто стоящее не на своем месте, она будет выталкивать его оттуда, пока картина не станет соответствовать ее представлениям о том, как надо. Если же это невозможно, тетя Пат просто откажется ее замечать. Она перестраивает мир, меняет его под себя, пока он не станет безукоризненным и не запахнет отбеливателем и лавандовым освежителем воздуха. К семнадцати годам я пропахла «Джеком Дэниелсом» и отчаянием, так что, покинув дом, поклялась не возвращаться.

Спать с Марком было проблематично еще и потому, что после этого было глупо ехать на работу не вместе. Я включила отопление в выдавшем виды старом «Пежо» и поставила кассету. Мне нравилось, что никто уже не пользуется кассетными лентами, но больше всего мне нравилось бесить этим Марка. В его машине была система объемного звука, док-станция для

айпода и сиденья с подогревом. Я высадила его у обочины дороги. Совсем близко от больницы, на мой взгляд, но достаточно далеко, чтобы разозлить Марка и чуть не вызвать ссору по нашему любимому поводу.

– Ты же понимаешь, это глупо. – Взяв портфель с заднего сиденья, он поцеловал меня в щеку.

– Понимаю, – ответила я и, прежде чем он принялся излагать мне сто одну причину, почему мы должны сообщить всем на работе, что спим вместе (как будто это их касается), я съехала с тротуара, вынудив его захлопнуть дверь с громким стуком. Все мое тело расслабилось, я прибавила громкость. Припарковавшись, закрыв машину и войдя в больницу, я немного успокоилась. Раньше мне нечасто доводилось видеть призраки птиц, и теперь я почти наполовину смогла убедить себя в том, что в этот раз просто не до конца проснулась.

Я знала, что эти птицы ненастоящие, и знала, что они никоим образом не могут предвещать смерть. Мое личное дело включало в себя несколько законченных курсов по психологии, и я не считала себя глупой. Я знала – это скорее симптом сильной душевной травмы или признак начинающейся шизофрении, чем парапсихологическое явление. Я знала, что, увидев эту птицу, стала связывать одно плохое событие с другим, как ребенок соединяет точки, чтобы получилась картинка. Я знала, что людям свойственно выстраивать алгоритмы, связывать причину и следствие, и что когнитивные искажения означают подсознательное отрицание факторов, не отвечающих нашим гипотезам; другими словами, когда мне прежде мерещились птицы, ничего плохого не случалось.

Но главное, я знала, что способности предвидеть будущее не существует и считать этих птиц плохим предзнаменованием – нелепый предрассудок. И в то же самое время я всем сердцем в него верила.

Я была не безумнее всех остальных, я понимала разницу между реальностью и вымыслом, но вместе с тем я понимала – в глубине души, – что вскоре случится нечто ужасное.

Грейс. Август 1938-го

Грейс коснулась брошки в форме синей птицы, приколотой к отвороту пиджака, и изо всех сил постаралась не думать, что будет, если женщина по ту сторону стола отправит ее домой.

– Ты слишком молода, – сказала главная медсестра Кларк. – Я не потерплю глупостей.

Грейс подавила в себе желание улыбнуться. Нужно было всеми силами показать, что она совсем не глупа. Главная медсестра оглядела ее с головы до ног, медленно, словно выбирала корову на рынке.

– Но, по крайней мере, у тебя приличные туфли.

Грейс посмотрела на свои коричневые кожаные башмаки и решила не говорить, что это ее единственная пара обуви.

– Всегда в первую очередь смотри на обувь, – велела главная медсестра. – По крайней мере видно, что ты из порядочной семьи. Это уже кое-что.

– Я очень порядочная, – сказала Грейс, и желание улыбнуться пропало. Порядочная девушка. Такой характеристики она не заслуживала.

Главная медсестра посмотрела так, словно фыркнула бы, не будь это ниже ее достоинства. Потом сказала: «Хмм» и принялась разглядывать лист бумаги.

– Я трудолюбивая, – сказала Грейс. Она уже показала главной медсестре рекомендательные письма. Она не знала, где мать их взяла, знала только, что они стали частью торопливых приготовлений прошедших двух недель. Подняв глаза, главная медсестра чуть заметно улыбнулась.

– Хочется верить. Но дело в том, что каждая девушка, приходя сюда, говорит мне в точности то же самое. – Теперь она смотрела на Грейс не моргая.

Грейс молчала. Она старалась не думать о том, как вела себя мать в это утро, старалась не выйти из того оцепенения, которое чувствовала. Простившись с ней лишь у двери, мать протянула руку, но не для прощального объятия, как на мгновение показалось Грейс, а только чтобы пригладить волосы.

Недолго поразмыслив в молчании, главная медсестра Кларк чуть встряхнула головой. Темно-русые волосы, уложенные невероятными волнами над высоким лбом, даже не шелохнулись.

Грейс ощутила укол разочарования. Ей придется вернуться домой. А что потом?

– Постарайся меня не разочаровать, – сказала главная медсестра, передавая ей через стол лист бумаги. – Подпиши внизу. В понедельник утром выходишь на дежурство.

– Что?

– Не «что», а «простите», сестра, – она покачала головой, как будто уже сожалела о принятом решении. – После того как подпишешь, можешь идти в дом сестер. Это не по правилам, но твоя мать настояла, чтобы ты немедленно приступила к работе.

Грейс кивнула и кое-как смогла нацарапать свое имя, хотя пальцы внезапно задрожали.

Выйдя из кабинета, она долго стояла в коридоре, выкрашенном зеленой краской. Когда ей начало казаться, что она вот-вот пустит корни, она заставила себя выбрать направление и медленно побрела. На нее сразу же налетела медсестра в накрахмаленной униформе.

– Новенькая? – спросила она, взглянув на чемодан Грейс. – Тебе на выход и налево. В дом сестер свой вход.

За больницей располагались садовые участки. Грейс заметила несколько оседающих сарайчиков и красивую оранжерею, из тех, что обычно бывают возле больших домов. Внутри нее двигалась белая фигура, похожая на огромную бабочку или призрак. Грейс поняла, что это медсестра в полной униформе возится со своими помидорами.

В самом деле, здесь был другой вход, не такой большой, как в главный корпус. Вход для прислуги, как сказала бы мать. Внутри оказались бесконечные коричневые коридоры и ни души. Грейс поспешно прошлась туда-сюда, прочитала все таблички на закрытых дверях и все надписи, какие попались ей на глаза. Наконец появилось другое существо – медсестра в пелерине и шапочке царственной походкой приблизилась к Грейс.

– Простите, не подскажете, где здесь комната медсестер?

Та вздохнула, словно Грейс попросила ее спрыгнуть с трапеции или выстругать из палки фигуру, похожую на короля.

– Пойдем покажу.

Они прошли еще один коридор, на этот раз бледно-зеленый. По нему ходили медсестры. Одна, замедлив шаг, кивнула сопровождающей Грейс.

– У тебя разве не выходной?

– Думала, выходной, – ответила она, указав на Грейс, – вот, нашла заблудшую овцу.

– Не одно, так другое, – сказала другая медсестра, нахмурившись. У нее были очень темные волосы, просвечивавшие сквозь накрахмаленную шапочку. Грейс стало жарко от стыда и мысли, что ее спасительница могла оставить ее на произвол судьбы.

– Тебе сюда, – медсестра указала на дверь и поспешила по своим делам. На черной металлической табличке было выведено белыми буквами: «Персонал. Медсестры отделения». Под табличкой был приколот канцелярскими кнопками листок бумаги с надписью: «Посещения посторонних лиц в любое время запрещаются. Медсестры обязаны соблюдать комендантский час». Внизу стояла подпись – В. С. Беннетт.

Грейс толкнула дверь, почти уверенная, что будет закрыто, но дверь распахнулась. Коридор без окон был залит голубоватым светом. Из двери сбоку вышли две медсестры в шапочках.

– Извините, – успела сказать Грейс, когда они проходили мимо, – где здесь спальни?

Медсестры остановились. У одной было приятное круглое лицо и смеющиеся глаза, у другой, пониже ростом, хмурый взгляд.

– Новенькая, я так понимаю, – сказала она. – Бедняжка.

Уголки рта круглолицей опустились в знак сочувствия.

– Подписала бумаги, да?

Грейс кивнула. Хмурая медсестра надула щеки и снова сдула.

– Тогда тебе пока больше делать нечего. Список проживающих в конце коридора. Удачи.

Грейс нашла в списке номер своей комнаты. Пока не увидела свое имя, напечатанное на листке, она не могла поверить, что это не шутка. Или что она не ошиблась, неправильно истолковав слова главной медсестры, которая на самом деле и не думала принимать ее на работу.

Комната была рассчитана на двоих. Две железные кровати, две тумбочки, один шкаф. Грейс поставила чемодан на пол, посередине, и принялась распаковывать вещи. Она как раз собиралась запихнуть пустой чемодан под кровать, когда дверь с громким стуком распахнулась.

– А, ты новенькая. Привет.

Грейс выпрямилась.

– Да. Я...

– Так делать нельзя, – медсестра указала на чемодан. – Его потом отнесут в комнату для багажа.

Грейс надеялась хранить в нем то, что не поместится в шкаф.

– А почему я не могу оставить его здесь?

Девушка вошла в комнату и принялась развязывать шапочку.

– Я Эви. Моя прошлая соседка была та еще плакса. Ты же не станешь реветь каждую ночь, верно?

– Нет, – ответила Грейс. Это прозвучало слишком сухо, даже грубо, а в голосе мог послышаться вызов. Тишина, которая последовала за ответом, тоже не располагала к дружбе. Она добавила:

– Ну, во всяком случае, надеюсь.

– Это хорошо, – сказала Эви. – Тут, конечно, трудно уснуть. – Положив шапочку на тумбочку, она стала снимать длинный фартук и полосатое платье. Грейс поспешно отвернулась и легонько подвинула чемодан ногой, стараясь не краснеть.

– Тебе уже показали, где тут что?

– Нет. – Грейс еще немного подтолкнула чемодан, потом осмелела и подняла глаза на соседку. Раздевшись до белья, она боролась с непослушной челкой, пытаясь накрутить на бигуди.

– Тогда пошли, – сказала она.

– Но?

– Что? – Эви натягивала шелковый халат, обувала тапочки. Грейс не знала, как повежливее сказать, что Эви раздета, поэтому прикусила язык. Снаружи хлопали двери, звучали шаги.

– Сначала завтракает ночная смена, потом старшие медсестры, а потом, уж извини, мы.

– А сестра Кларк завтракает с нами? – спросила Грейс. Эви покачала головой.

– Не бойся.

– Сестра Джонс, – женщина с квадратной фигурой, в медицинской униформе, с выражением лица, предвещающим грозу, направлялась к ним, – здесь не бордель.

– Простите, сестра, – сокрушенно пробормотала Эви. – Просто у нас новенькая девочка, и некому провести ей экскурсию, а у меня как раз несколько минут...

– Меня не волнует, сколько у тебя минут. Уж одну могла бы найти, чтобы одеться как следует. Быстро в свою комнату!

– Хорошо, сестра Беннетт. – Как только она отвернулась, Эви закатила глаза. Сестра притворилась, будто этого не заметила.

– Пойдем, – сказала она, повернувшись к Грейс. – Покажу тебе столовую.

Пока они шли, сестра Беннетт разглагольствовала о многочисленных недостатках Эви в частности и пороках молодых медсестер вообще. Грейс так старалась издавать вежливые звуки в нужных местах, что почти не обращала внимания на маршрут, поэтому лабиринт коридоров так и остался для нее загадкой.

За ужином она не могла есть и при первой возможности ушла в свою относительно безопасную комнату. Все было так ново, так странно. Не считая того случая, когда она лежала в больнице с ангиной, ей не приходилось надолго покидать дом, и, хотя разочаровывать Эви очень не хотелось, она все же готова была зарыдать в подушку.

Эви сидела в кровати и читала журнал. Когда Грейс вошла, она мгновенно напряглась и тут же расслабилась.

– Слава богу, это ты, – сказала она. Грейс почувствовала теплоту в ее голосе. – А я думала, главная медсестра с проверкой.

– Она ходит с проверкой? – Сев на узкую кровать, Грейс расшнуровывала ботинки.

– Ага. Мы тут, черт возьми, как в тюрьме. – Вытащив из-под постельного белья небольшую фляжку, Эви отхлебнула небольшой глоток, как истинная леди. – Мы взрослые женщины, решаем вопросы жизни и смерти, а с нами обращаются как с непослушными школьницами. Ну не глупо?

Грейс нервно взглянула на дверь. Ей показалось, будто ругательство каким-то таинственным образом дойдет до ушей ее матери. Или старшей медсестры.

– Ты не хочешь, я правильно поняла? – Эви закрутила крышку и сунула фляжку в карман халата, свисавшего со спинки кровати. – Поможет уснуть.

– Нет, спасибо. – Грейс начала раздеваться, от внезапно навалившейся усталости даже не задумываясь о том, что стоит полуголая перед незнакомкой.

– Так я и подумала. У тебя на лице написано – хорошая девочка.

Грейс ощутила прилив тошноты. Не такая уж и хорошая.

– Может, – заметила Эви, – тебе здесь даже понравится.

Мина

Сидя на работе, я всматривалась в изображения, сканируемые на мониторе. Волосы свисали вперед и щекотали мне щеки. Я стянула их в хвост и завязала одной из резинок, что носила на запястье. Контрастное вещество хорошо справилось, изображения получились четкими: яркое белое пятно в правом полушарии было видно на МРТ с осевой нагрузкой ясно, как на свету. Прогноз для несчастного владельца мозга был, конечно, неутешителен, но я была рада тому, что новая технология сканирования, которую я отстояла, работала как надо. Почесав затылок, я принялась заполнять медкарту.

Дверь в лабораторию со стуком распахнулась, и ворвался Марк. Перемещаться с другой скоростью он не умел, и когда-то, давным-давно, я находила эту манеру невозможно привлекательной. Он был таким высоким и мощным, что не нуждался в элегантно скроенном костюме и итальянских кожаных туфлях, чтобы подчеркнуть свои влияние и авторитет. Как всегда, он подошел слишком близко к моему стулу, и я чуть отодвинулась, чтобы увеличить расстояние между нами.

– Все хорошо?

– Нормально, – сказала я. – Много дел.

– Хорошо, хорошо, – заметил он, потирая ладони. Марк Фейрчайлд был главой отделения радиологии и медицинской физики, но уже давно оставил практические, научные интересы ради организации расчетных таблиц и собраний по финансовым вопросам. Чуть помолчав, я спросила:

– Тебе что-нибудь нужно?

Со мной в кабинете работали еще два физика, Парвин и Пол. Сейчас они склонились над своими заданиями, делая вид, что не подслушивают.

Марк покачал головой. Оглядел комнату, будто только что вышел из оцепенения. Чуть приподнял руку, как бы отдавая честь, и ушел. Я выдохнула.

– У вас опять проблемы? – спросил Пол.

– Да, видимо, – я неестественно рассмеялась.

– Он следит за тобой, – заметила Парвин.

Мы с Полом удивленно посмотрели на нее. Парвин редко отпускала шутки. Она была хорошей английско-бенгальской девочкой. Ну, как я понимала. Она так мало говорила, что, вынуждена признать, я понятия не имела, какая она на самом деле. В свободное время она вполне могла быть буйной наркозависимой нимфоманкой. Но она приходила в больницу, усердно трудилась, отклоняла все приглашения на корпоративные мероприятия и каждый день уходила домой ровно в шесть. У меня было неясное чувство, что она живет с родителями, но если бы на меня надавили, призналась бы, что оно было вызвано чудовищным стереотипом.

Парвин кивнула, уголки рта чуть приподнялись в неясной улыбке.

– Да, ты уж поосторожней. А то будешь плохо себя вести, заявится и задаст тебе порку, – она подняла брови, как бы намекая, и я чуть не свалилась со стула. Пол расхохотался.

– Фу, как грязно! – с одобрением заметил он, отсмеявшись, и вернулся к работе.

Вот что нужно понимать: нельзя основываться на своих представлениях о людях. Они меняются. Они отказываются следовать правилам. Я вновь повернулась к изображениям на МРТ, стала рассматривать неестественно белую область. Она была мертвой, да, но тем понятнее для меня. Я всегда любила конкретику. Правое или левое. Да или нет. Те школьные предметы, что требовали обсуждений и интерпретаций, были для меня настоящим проклятием, и никто из учителей не удивился, когда я выбрала науку. После того как я защитила диссертацию, меня убедили остаться здесь, чтобы всю оставшуюся жизнь заниматься научными исследованиями, но у меня было и другое желание. Помогать. Чувствовать себя полезной.

Нет, это неправда. Я нажала на иконку, чтобы открыть новую медкарту. Я хотела быть хорошей. Налаживать баланс. Если вас спрашивают, чем вы занимаетесь, а вы отвечаете, что вы врач, помогающий диагностировать и лечить рак, вам нужно быть хорошим. Нужно.

После работы я отказалась от вялого предложения выпить и сразу поехала домой. Я действовала на автопилоте, и сторонний наблюдатель не увидел бы ни одной причины полагать, будто бы я не готовлюсь к предстоящему свиданию. Вплоть до последнего момента, когда я уже должна была выходить. Но я не вышла. Я села на диван и сбросила туфли.

Отчасти мне хотелось включить телевизор, выпить вина и сделать вид, что ничего не происходит, порвать с Марком путем бездействия, а не действия, но остатки силы духа были во мне еще живы. Я представила, как он сидит один в ресторане, вспомнила, как однажды бросила мужчину, просто уехав из города посреди ночи. Я знала, что не люблю Марка, но он был добр ко мне и не заслужил такого. Посмотрев на часы, я поняла, что уже поздно и что он наверняка уже в пути. Нажав кнопку вызова, я скрестила пальцы и стала ждать ответа.

– Ты опаздываешь? Ничего страшного, я пока схожу в бар и чего-нибудь выпью.

Его голос был таким счастливым, таким уверенным, а я собиралась все разрушить. Вернее, я знала, что все разрушено, но он-то не знал. Я ненавидела себя. Я ненавидела все это.

– Я не приеду, – лживые слова о том, что я плохо себя чувствую или слишком устала, чуть было не вырвались, но я сжала губы, не давая им выйти на свободу. – Прости меня. В последнее время все не так, и...

– О чем ты?

– Мне кажется, нам нужно сделать перерыв.

– Не говори глупостей, – сказал Марк сухо. – Жду тебя в ресторане через час, – и он сбросил звонок.

Так типично для Марка. Когда все только начиналось, меня притягивала его уверенность в своих силах, в себе и в нас. Впервые я почувствовала, что он мне нравится, в пятницу на вечеринке после работы. Коллеги решили повеселиться, втянули и меня. Я помню, как, болтая с Полом, ощущала на себе взгляд Марка, сидевшего за соседним столиком. Когда я собралась уходить, он пошел за мной следом. Моросил мелкий дождь, и Марк раскрыл зонт-трость. Я помню, как подумала – до чего смешно, до чего по-взрослому нудно и так непохоже на мужчин, которые мне нравились, что его можно было бы отнести к другому виду. Мне всегда нравились длинноволосые плохие парни с проблемами по части гигиены и любовью к марихуане, а не мужчины на двенадцать лет старше меня, которые любят классическую музыку и играют в крикет.

– Думаю, нам стоит узнать друг друга получше, – сказал он, укрывая меня зонтиком. – Позволишь угостить тебя ужином?

– Когда? – я тянула время, ища вежливый способ отказать начальнику.

– Сейчас. У меня такое чувство, что потом ты сама себя отговоришь.

– Ты прав, – сказала я. – Ты же мой начальник. Это противозаконно, – и этими словами я практически дала самой себе понять, что ночь проведу с ним. Я надеялась, что бунтарский дух во мне ослаб к тому времени, как мне исполнилось двадцать пять, но, видимо, до моего либидо это не дошло. Той ночью, глядя на него, чуть захмелевшая от джина с тоником, я думала – вот черт, я переспала с начальником. Ужасно, но весело. Что такого страшного может случиться?

Да, я была идиоткой.

К девяти часам на моем телефоне было семь пропущенных от Марка. Я сидела на диване в состоянии возбужденного паралича. Я знала, что нужно поступить по-взрослому, по-человечески – пойти и поговорить с человеком, с которым сплю вот уже полтора года, но мозг отказался меня слушаться. У меня всегда хорошо получалось раскладывать все по местам и держать под контролем, и поэтому разум отказывался участвовать в этой маленькой драме, интересуясь вместо этого тем, что показывали по телевизору.

Ненавидя себя, я сделала то, что делаю всегда, когда мне плохо, – включила запись автоответчика и вновь услышала голос Джерейнта.

– Мина...

Первое слово каждый раз было для меня словно удар в живот. Я сглотнула, вслушиваясь в его голос. Я прослушала это сообщение столько раз, что могла пересказать наизусть, и все же оно по-прежнему не утратило своей власти надо мной. Ужас пополам с облегчением. Чувство вины пополам с любовью.

– Мина, перезвони мне. Сейчас. Или ладно, через пять минут.

Откинувшись на диван, я накрыла глаза руками, надавила на веки.

Мне не хотелось думать о том, как я в последний раз видела Джерейнта, поэтому я обрадовалась, когда в памяти всплыло другое воспоминание. Это было еще до того, как я переехала в Брайтон. Я училась в Клинике университетского колледжа и снимала квартиру с Алекс. Она была идеальной соседкой. Разделяла мое пристрастие к алкоголю и придерживалась тех же сомнительных стандартов ведения домашнего хозяйства. Единственным ее недостатком была любовь к валлийцам. Алекс считала их самыми сексуальными, самыми восхитительными. Сочетающими в себе задумчивость Ричарда Бертон¹ и быющую ключом поэтичность Дилана Томаса². Алекс мечтала о таком. Я же, как только перебралась в Лондон, сбросила, как старый свитер, все валлийское, что во мне было. Я избегала прежних знакомств и избавлялась от акцента. Я меняла свой лексикон, вычеркивала все диалектизмы города Суонси и сглаживала гласные, как все современные лондонцы. Но, вопреки здравому смыслу, в день Святого Давида согласилась пойти с ней в валлийский паб.

– Место счастливой охоты, – сказала Алекс.

Помещение было битком забито, и я стояла в уголке, надеясь, что меня не обольют пивом. Было совсем неплохо, прислонившись к стене, наблюдать за толпой. Алекс блуждала по бару, то и дело возвращаясь, чтобы, опрокинув очередной стакан, прокричать мне в ухо несколько слов.

Снова и снова ставили Stereophonics, Catatonia и Тома Джонса, лишь изредка прерываясь на национальный гимн. На особом меню, так называемом счастливом, над списком коктейлей с такими названиями, как «Красный дракон» и «Луковое дыхание»³, были крупными буквами напечатаны слова.

Алекс, указав на толпу, что-то прокричала, потом повернулась ко мне и, придвинувшись поближе, сообщила:

– Я хочу с ним пообщаться.

Ее дыхание на сто процентов соответствовало установленному градусу крепости спирта и оставило на моей щеке мокрый след. Я была не в силах перекричать музыку, поэтому кивнула и махнула рукой, показывая свою воодушевленность, согласие... что она там хотела от меня получить.

Она стала прокладывать себе путь через толпу. Я выпила. Приземистый мужчина, напоминавший карикатуру на любителей регби, – короткошей и накачанный, – попытался меня охмурить.

– Скучаешь, милая?

– Нет, спасибо.

– Что? – взревел он, пытаясь перекричать навязчивую песню «Что нового, киска»?

Вербальное общение было бессильно, поэтому я помотала головой.

¹ Валлийский актер, семикратный номинант на премию «Оскар» (1925–1984).

² Валлийский поэт, прозаик, драматург, публицист (1914–1953).

³ Красный дракон изображен на гербе Уэльса, лук-порей – один из национальных символов. По преданию, король Кадваладр приказал воинам прикрепить к шлемам лук-порей, чтобы в битве узнавать своих. В день Святого Давида (1 марта) валлийцы прикрепляют его к головным уборам.

– Сучка, – любитель регби произнес это слово так четко, что я без труда прочитала его по губам, и повернулся к другой близстоящей женщине.

Я выпила еще.

Чуть позже, когда меня вытошнило в такой грязный унитаз, что рвота его, можно сказать, отчистила, Джерейнт пропел мне в телефон «Лондон зовет» ⁴. Вот так я впервые за полгода слышала его голос.

– Привет, Джер, – зажав телефон между плечом и подбородком, я мыла руки.

– Я в поезде.

– Ну хорошо, – сказала я, ожидая дальнейшей информации.

– Я к тебе приеду. Сегодня. Хотя я не очень хорошо знаю Лондон. Может, это займет целую вечность. Надо было взять другой путеводитель.

– А где ты сейчас?

– Понятия не имею. Тут какой-то тип мочится с платформы. Это что-нибудь дает?

– Не особо много.

Удивительный мозг Джера, возможно, потянул его взламывать коды в Центр правительственной связи. Если это так, то я примерно представила себе его маршрут.

– Поезд следует до Паддингтона, – сказала я. – Позвони, как доедешь.

– Господи, как же я люблю железнодорожные термины! Следовать. Проводник. Воздушная стрелка...

– Звони, – перебила я. – Приду и встречу тебя.

Кончилось тем, что он приехал на такси, и мы встретились возле бара.

– Туда я не пойду, – заявил он, сделав сложный финт всем туловищем и повернувшись в направлении ближайшего отеля. Я пошла искать Алекс, чтобы сообщить ей, что ухожу. Она затесалась в толпу мужчин; сидя совсем близко, они казались многоруким чудовищем.

– Я пошла домой, – завопила я, пытаясь перекрычать музыку. – О'кей?

Алекс протянула мне обе руки, и я помогла ей подняться.

– Я с тобой, – ответила она, придвинувшись ко мне и брызжа в лицо слюнями.

Я не хотела знакомить ее с Джерейнтом, но выбора не было. Пожав плечами, я повернулась и вышла, пока Алекс прощалась с новыми друзьями, один из которых писал на ее руке свой номер.

Ожидая ее у бара, я вдыхала туманный воздух города и пыталась справиться с паникой. Что такого, если моя соседка познакомится с моим братом? Ну, выпьем вместе.

Бар в отеле был самым обыкновенным, битком набитым людьми в костюмах. В углу сидел Джерейнт. Под пальто на нем была толстовка с капюшоном, и я не могла понять, похудел ли он. Поднявшись, он сжал меня в объятиях. Алекс прыгала вокруг, как взволнованный щенок.

– Я Алекс, соседка Мины, – сказала она и оскалилась, показав все зубы. Джерейнт улыбнулся в своей ленивой манере, и интерес Алекс тут же резко взлетел. Я отвернулась, не в силах на это смотреть, и пошла заказывать слишком дорогие напитки. Когда я вернулась к столу, она уже разошлась не на шутку. Джер лениво развалился на стуле, вытянув одну руку вдоль обитого сиденья, другой играя с зажигалкой. Алекс рассказывала ему запутанную историю о коллегах по работе. Пока она рылась в сумочке в поисках мобильного, Джер успел одарить меня быстрой, очень интимной улыбкой, и я почувствовала прилив любви к нему.

– А ты чем занимаешься? – спросила Алекс, наконец закончив сагу о Фрэнсис из бухгалтерии.

– Если он расскажет, ему придется тебя убить, – сказала я. Просто чтобы снова увидеть улыбку Джера.

⁴ *London Calling* – хит группы *The Clash* 1979 года.

Алекс наклонилась вперед, и я заметила, что мой брат смотрит на ее грудь. Его вины в этом не было, ведь она, можно сказать, вывалила на стол все свои прелести. Я хорошо понимала, что Алекс сделала это ненамеренно, но все равно разозлилась. Еще больше я разозлилась, когда, вернувшись из туалета, обнаружила, что Джер успел засунуть язык ей в рот, а руку под топ – в этой позе я видела его несчетное количество раз.

Алекс любила пофлиртовать, но обычно не переходила так быстро от знакомства к обжиганиям в публичном месте. Это Джер оказывал на женщин такой эффект. Я поставила сумку на стол, и она тут же пропиталась разлитой водкой с тоником. Джер оторвался от Алекс. Вид у него был чуть невинный, но в то же время весьма самодовольный. Мне внезапно захотелось съездить ему сумкой по голове.

– Уже поздно. Пора спать, да? – сказала Алекс и посмотрела на меня. Я заметила, как она положила руку Джеру на бедро, и поняла – ей меня не одурачить. Этот вопрос был не ко мне.

– Ну да, – я стала искать в сумке проездной, просто чтобы не видеть ладонь Алекс на бедре Джера и его руку, обвиняющую ее плечи.

Выйдя из бара, Алекс стала ловить такси.

– Не так уж и поздно, можем и на метро добраться, – я помахала проездным. Как обычно, денег у меня было немного, и весь свой бюджет я спустила на напитки в баре. Джер обхватил меня рукой и сжал в объятии. Он знал, что я злюсь. Всего одно объятие. Кривая полуулыбка. Сосредоточенный взгляд и несколько шуток по дороге домой, и он был прощен. О чем, конечно, знал и сам.

Следующим вечером, вернувшись с работы, Алекс сразу же скрылась в ванной. Джерейнт, конечно, уже ушел – на секретное задание, тайное собрание или узкоспециализированные курсы, куда его отправили по работе. Алекс этого не знала, поэтому выплыла из ванной в благоухающем облаке парфюма. Я хотела осторожно вернуть ее с небес на землю, но она закрыла дверь в спальню и включила нашу песню подготовки к парадному выходу так громко, что я решила ее не беспокоить. Я хлопотала на маленькой кухне: приготовила пасту, выпила пива. Когда Алекс появилась вновь, сногшибательная, в черном шелковом топе и таких обтягивающих джинсах, что она могла бы просто покрасить ноги в синий – эффект тот же, а расходов меньше, – я подняла в воздух бутылку.

– Хочешь?

– Нет, спасибо. – Алекс улыбнулась, но я знала, что улыбка предназначалась не мне. Это была таинственная улыбка. Улыбка ожидания и предвкушения. Алекс была моей подругой, а я злилась на нее за эту радость. Что было особенно гадко и эгоистично с моей стороны, учитывая, какой недолговечной она будет. В плане отношений Джер был еще хуже меня. Как только он начинал над чем-нибудь работать (а он всегда над чем-нибудь работал), он забывал обо всем остальном. Я могла бы, конечно, предупредить Алекс, но не видела смысла. Все это я наблюдала уже сто раз.

Джер явился вечером. Он пропустил всю выпивку и ужин, который организовала Алекс и ради которого нарядилась, и пришел, когда уже пора было ложиться спать. Он очаровал Алекс до такой степени, что стало ясно – ему не придется спать на диване, в то время как я, скрючившись, насупившись, сидела в углу, не в силах участвовать в их беззаботном флирте, но не в силах и вырваться отсюда.

Алекс, поджав ноги и вытянув руку вперед, гладила шею Джера. Я старалась не смотреть, но чувствовала прикосновения ее пальцев, как если бы это была моя кожа. Алекс прилично выпила в ожидании Джера, и теперь ее глаза блестели и плохо концентрировали взгляд. Она отпускала шутки, вне всякого сомнения, считая себя звездой.

– Вы двое, – она по очереди показала на нас пальцем, – просто на одно лицо. Это так пугает.

– Ничего и не на одно, – сказала я на автомате. Уже не в первый раз я слышала подобный вердикт. Волосы Джера, достававшие до плеч, были стянуты в низкий хвост. Темные и прямые. В точности как у меня. Тот же оливковый цвет лица, та же худая фигура.

– Даже уши одинаковые, с ума сойти. Ты только посмотри. – Алекс гладила ухо Джера, изучая и сравнивая.

– Вот и нет, – сказала я, бессознательно дотронувшись до мочки уха.

– Точно такой же формы и цвета. А глаза! Если скосить глаза, – Алекс сощурилась, – тебя можно принять за Джера.

– Можно и не принимать, – ответила я, чувствуя легкую обиду.

– Вы, получается, идентичные близнецы?

Я подождала немного, дав тем самым Джеру шанс ответить. Он мог сказать что-нибудь остроумное или чудовищно глупое, но лишь отхлебнул еще пива.

– Нет, – сказала я осторожно. – Мы не идентичные, – выдержав еще паузу, добавила: – Он мужчина.

– Я знаю, – ответила Алекс. – Но, не считая этого...

– Ты не понимаешь, что означает слово «идентичные»?

– Что ты имеешь в виду? – перестав шуриться, она начала хмуриться.

– Да так, ничего, – я махнула рукой и встала с дивана.

Я не знала, стоит ли продолжать пить, пока не обнаружила, что у меня в руке бутылка и я вскрываю ее новым штопором с Симпсонами.

Когда я вернулась в гостиную, Алекс и Джерейнт страстно целовались. Он повис на ней скорее пьяно, чем эротично, но, наверное, не мне было об этом судить.

– Я иду спать, – сказала я. Джер оторвался от Алекс, вытер рот рукой и этой же рукой отдал мне честь.

– Увидимся на рассвете, – сказал он.

– У нас много дел?

Он кивнул.

– Очень.

– Каких? – Алекс почуяла особую интимность нашего разговора.

– Никаких, – одновременно ответили мы с Джером.

От выпитого у меня чуть кружилась голова. Я лежала в кровати, комната вертелась, в наушниках играла музыка, позволяющая не слышать, какие звуки издает мой брат во время секса. Я чувствовала себя абсолютно расслабленной. Как бы меня ни бесили все эти стереотипы по поводу близнецов, когда он был рядом, я чувствовала себя другой. Я чувствовала себя в безопасности. Будто я была гладкой, цельной, а не сломанной половинкой с зазубренными краями.

Не знаю, сколько я просидела, думая о Джерейнте, но, видимо, долго, потому что уже стемнело. Поднявшись с дивана, я прошлась по квартире, задвинула шторы, включила свет. Я любила свою квартиру. Пусть маленькая, зато в ней недавно сделали ремонт, а ванная была самой очаровательной в мире. Гостиную открывало эркерное окно, а закрывали застекленные двери, которые вели в маленький четырехугольный двор. Пат всегда говорила мне – не надо снимать квартиру на первом этаже! – но в доме, где я жила, к входной двери вели ступеньки, так что люди под окном не ходили.

И к тому же я так и не смогла избавиться от привычки поступать не так, как говорила Пат.

Я поправляла диванные подушки, собираясь ложиться спать, когда услышала шум. Глухой стук и сдавленный стон, как в фильмах про зомби. Я схватила телефон, набрала две девятки, потом, сжимая его в руке, пошла на звук. К застекленным дверям. Лучше бы я не закрывала их плотными шторами – тогда было бы сразу видно, что за окном. Это вполне могла

быть кошка, собака или ветка дерева, но все же нужно было удостовериться. Я заставила себя отодвинуть штору и увидела Марка. Я сразу его узнала, и только это удержало меня от крика.

Он стоял, прислонившись к двери, и я испугалась, что он может выдавить стекло своим телом. Представила осколки, испуганного соседа, который стучит в стену, может быть, даже звонит в полицию, и открыла.

– Я пришел к тебе, – сказал Марк, провел рукой по лицу и нетвердым шагом прошел в гостиную, оставляя на полу грязные следы.

– Тебе нечего здесь делать, – сказала я, скрестила руки и попыталась заслонить собой диван в надежде, что, если я не позволю Марку сесть, долго он не пробудет. Но это было все равно что блокировать полузащитника. Проскользнув мимо меня, он тяжело плюхнулся на диван.

– Почему ты не приехала?

– Я же сказала, – ответила я. – Прости меня, но между нами все кончено.

– Из-за того, что случилось сегодня?

Вид у него был недоумевающий, но я ощутила лишь раздражение.

– И поэтому тоже. Ты никогда не уважал мои чувства. Ты постоянно заявляешься ко мне на работу. Люди говорят...

– Ну и пусть говорят, – сказал он. – Не вижу проблемы.

– Я понимаю, – я глубоко вздохнула. Я всегда расставляла все по местам, чтобы был порядок. В самом начале отношений я сразу ясно дала Марку понять – никто на работе не должен знать о них. Он охотно согласился. – Но у нас ведь был договор...

– Договор? – Все лицо Марка вспыхнуло. – Вот что нас, по-твоему, связывает?

– Это всего лишь слово.

– Оно говорит обо всем, – сказал он. – Для тебя это просто бизнес. Бесчувственная деловая операция, которая проводится в определенное время и строго конфиденциально.

Он уже не казался жалким.

– Если ты не уйдешь, я вызову полицию, – предупредила я, в самом деле собираясь звонить.

– Не вызовешь. – Марк вытянулся на диване, провел рукой по подушкам, по-видимому, успокоившись. – Ты не любишь драм. Садись. Давай поговорим. Ты же понимаешь, когда-нибудь нам придется все обсудить. Можно и сейчас.

– Ты пьян, – я надеялась, что являю собой рассудительность, а не готовность к ссоре. – Завтра поговорим. Выпей кофе.

– Я выпил, – согласился Марк. – Но я не пьян, – он расставил пальцы, – разве только чуть-чуть.

– Ты себя слышишь? – спросила я, уже не пытаюсь казаться рассудительной. – Прекрасная иллюстрация пьянства. В том числе безграничная уверенность в том, до чего ты очарователен в нетрезвом состоянии – что, к слову сказать, совсем не так.

– Мне нравится, когда ты так со мной говоришь, – Марк ухмыльнулся. Вряд ли эта ухмылка предвещала что-то хорошее.

– Как? – Я направилась к кухне. Мобильник лежал на столе. Вызову полицию, пусть сами разбираются.

– Строго, как учительница. Это сексуально.

– Я серьезно, – сказала я, стараясь говорить как можно серьезнее, но при этом не как учительница. – Если не уйдешь, я позвоню в полицию.

– Ладно, ладно. – Марк кое-как поднялся на ноги, я шагнула в сторону. Он помолчал, по его лицу прошла судорога боли. Потом, как бы сдаваясь, он поднял руки вверх. – Ухожу.

– Спасибо.

– Отвезешь меня домой? – Его плечи опустились. – Я так устал. Мне очень, очень плохо, – он поднял глаза, – ты разбила мне сердце, Мин.

Я терпеть не могла, когда он сокращал мое имя, но вид у него в самом деле был несчастный: спина согнута, голова опущена. И, по правде сказать, он заслуживал немного хорошего отношения. Немного доброты.

– Что ж, – сказала я. – Но сегодня мы не будем об этом говорить, хорошо? Мы все обсудим, когда ты протрезвеешь. Встретимся и обсудим, обещаю.

– Идет, – Марк кивнул.

Он был грустен, но спокоен, выходя из квартиры, обходя здание, садясь в мой древний «Пежо». Уже по пути, под скрипучий звук дворников, сметающих со стекла капли дождя, он вновь заладил:

– Я просто хочу понять, что я сделал не так.

– Все ты сделал так, – ответила я, сосредоточившись на дороге. Видимость ни к черту не годилась; хорошо, что машин было мало.

Он сменил тактику и принялся меня уламывать:

– Ну если я сделал что-то не так, скажи мне, и я больше не буду. Хочешь, на работе буду вести себя по-другому? Мы можем держаться порознь, я же не против.

– Нет, ты против, – сказала я, вновь вступая в надоевшую полемику, несмотря на все свои благие намерения. – И в этом проблема.

Одна из множества.

– Значит, это все-таки я виноват? Но мы можем это исправить, – Марк был неумолим, в его голосе вновь послышались снисходительные нотки, услышав которые я каждый раз сжимала зубы. – Это одна из задач людей в отношениях. Исправлять ошибки.

Меня так и тянуло ответить: я тебя не люблю, и это не исправить, – но я не хотела быть жестокой. Или, если быть совсем точной, мне не хотелось его злить. Трезвый Марк был удивительно спокойным и разумным человеком, но, напившись, и в лучшие времена начинал буянить, а сейчас были явно не лучшие.

Не обращая на него внимания, я следила за дорогой, а он тем временем размышлял, какие аспекты наших отношений нуждаются в исправлении.

– К сексу это, само собой, не относится, – сказал он. Как бы это ни злило, он был прав.

– Я не хочу сейчас об этом говорить. Уже поздно. Я устала и... – я с трудом удержалась, чтобы не повторить «ты пьян».

Он немного помолчал, потом спросил:

– У тебя кто-то есть?

– Нет, – ответила я, сворачивая в сторону, чтобы не утопить машину в луже. – Мне и на тебя времени с трудом хватает. Когда мне, черт возьми, заводить романы?

Голос Марка был напряженным и злым.

– Стало быть, не позволяет график, а не отсутствие интереса?

– Я не то хотела...

– Тогда почему, Мин? Почему ты так поступаешь с нами?

– Сейчас я об этом говорить не буду, – сказала я, глядя в залитое дождем окно. – И не называй меня Мин.

– Ты очень давишь на меня, ты знаешь об этом? Почему не сейчас? Почему ты вообще все за нас решаешь? – он снова глотал слова, и я поняла, что он не начал трезветь, мне просто так показалось. – Ты говоришь – мы не можем быть вместе на работе. Ты говоришь – мы должны скрывать наши отношения. Ты говоришь – мы не будем съезжаться. Ты говоришь – не станешь знакомить меня с семьей. Ты говоришь – мы расстанемся. Как насчет того, что скажу я?

Я чувствовала только холод. Я знала, обычно люди чувствуют что-то еще. Мы были вместе больше года и пережили много приятных моментов. Марк был любящим, внимательным,

весьма компетентным в сексуальном плане. Ну вот опять, подумала я, прибавляя скорость дворников, чтобы было видно хоть что-то. *Весьма компетентный в сексуальном плане.* Да кто вообще так выражается? Что со мной не так?

Марк продолжал разглагольствовать, и у меня возникло чувство, что сейчас он тихо рас-
плачется. Но его настроение пошло по другому пути. Он схватил меня за руку.

– Слушай меня, мать твою! Ты меня не слушаешь! Какого хрена ты не слушаешь?

Машину резко повело вправо, и я вцепилась в руль, пытаясь помешать ей вылететь на разделительную полосу.

Я хотела сказать Марку, что он идиот, но мне не удалось: он схватил руль обеими руками и резко дернул. Я хотела удержать его, но он был слишком сильным, а движение – слишком внезапным. Я нажала на тормоз, в зеркале заднего вида вспыхнули огни, и машина покатила по мокрой глади дороги. Ее кружило, задние колеса кренило влево. Во мне поднималась паника, но не сковывала. Мир за окном машины был смазанным пятном размытых огней и пугающих контуров, но вместе с тем вызывал не страх, а любопытство. Мне казалось, я сейчас не в машине, а снаружи и не чувствую ни ужаса, ни адреналина, а лишь наблюдаю с расстояния, как она кружится. Это было медленнее, грациознее, чем я представляла себе автокатастрофу. Зачарованная, я смотрела на огни подъезжавших автомобилей, которые становились все ярче, больше, ближе. Внезапно они приблизились так, что стали ослепительными, в глаза ударил обжигающий белый свет. В следующую секунду я не видела уже ничего, только тьму.

Грейс

На следующее утро, за завтраком, Грейс увидела около двадцати усталых лиц, совершенно незнакомых, не считая Эви, зевавшей так широко, что челюсть хрустела. Прежде Грейс не приходилось завтракать с кем-то, кроме родителей. Она заставила себя войти в столовую и сесть за длинный стол. Пара медсестер приветливо улыбнулась ей, остальные были слишком заняты пищей. Казалось, они синхронно подносят еду ко рту и глотают. Грейс ни разу не видела, чтобы кто-то ел с таким аппетитом. Зачерпнув ложку каши, она почувствовала, что не сможет проглотить. Густая, ни на что не похожая масса прилипла к языку, и девушка как можно незаметнее выплюнула ее обратно в ложку.

Соседка напротив через стол протянула ей ладонь для рукопожатия.

– Барнс, – представилась она. У нее были широко распахнутые, как у коровы, глаза и румяные щеки.

– Приятно познакомиться...

– Не будешь доедать? – спросила Барнс, указав на тарелку с кашей, и Грейс подвинула ее соседке.

Сестра Беннетт появилась ровно в семь пятнадцать и встала у стола. При ней была тетрадь, по которой она зачитывала имя каждой медсестры и название отделения. Грейс не знала, что означают эти названия, и ей было почти все равно, куда ее распределят, не считая одного. Она не могла твердо сказать, верит ли в Бога после всего, что случилось, но в отчаянном порыве шептала молитву – пожалуйста, только не в родильное.

– Сестра Кемп, отделение имени принцессы Мари.

– Не свезло, – сказала Эви, подтолкнув Грейс локтем.

– Почему? – Грейс надеялась, что голос не выдаст ее страх.

– Частные палаты. Только и будешь, что прислуживать.

Грейс позволила себе выдохнуть.

Частные палаты оказались длинным рядом отдельных комнаток, идущих от главного входа, хотя, если верить дежурной сестре, это были практически номера «Савоя»⁵. Только чище. Грейс должна была вымыть полы в каждой комнатке, прежде чем приступить к утренней раздаче напитков. Ей не удалось запомнить имена всех пациентов и их предпочтения – кому подать теплое молоко, кому горячую воду, кому чай с сахаром. В кухне, конечно, висел список, но к тому времени как она успела найти отделение, сообщившейся по пути медсестре, куда она идет, ответить на вызов пациента из двенадцатой палаты, который хотел раздвинуть шторы на дюйм пошире, и в седьмой раз попросить бродившего туда-сюда пациента по имени мистер Грин лечь в постель, в голове у нее все перемешалось. Дело кончилось тем, что она подала стакан молока миссис Андерсон, не переносившей лактозу, но молчавшей об этом вплоть до обхода врача, во время которого ее вырвало прямо в постели.

В этот день дежурная медсестра кричала на Грейс больше, чем на нее кричали за всю жизнь, и девушке изо всех сил приходилось держать себя в руках, чтобы не расплакаться. Стоя на четвереньках, она отскребала пол в углу пустой палаты, никак не желавший становиться чище, когда вошла дежурная медсестра и велела ей быть поживее. Привезли нового пациента – сестра не смогла сдержать волнения в голосе – раненого офицера.

Грейс заправила постель, и тут же прибыла тележка со свежим бельем. Уборщик, вкативший тележку, был жизнерадостным малым. Утром он шутил с Грейс, но в присутствии дежурной медсестры мог сказать лишь сухое «сюда, пожалуйста» и «да, вот так, сестра».

⁵ Сеть пятизвездочных отелей мирового значения.

– Ну, беги, – сказала дежурная медсестра, когда пациента уложили в кровать, так что Грейс удалось лишь мельком взглянуть на офицера, а потом пришлось снова бежать к больным и разносить напитки. Когда вечером Эви спросила у нее, как выглядит офицер, Грейс сказала только – плохо.

– Никакого от тебя толку, – Эви фыркнула.

Грейс напрягла память, пытаясь вспомнить детали. Темно-русые волосы, свалявшиеся от лежания в постели. Глаза, казавшиеся слишком большими. Худое лицо, искаженное болью.

– У него красивые глаза, – сказала она.

Свет уже погасили, и девушки, лежа в кроватях, шептались. Грейс услышала, как Эви ворочается в постели.

– А руки красивые? У офицеров всегда красивые руки. Порода.

– Не обратила внимания, – сказала Грейс. – Завтра посмотрю.

На следующий день Грейс присмотрелась. Барроуз, известный больше как капитан Барроуз, лежал, сжав зубы, пока доктор осматривал его раны. Грейс назначили помогать. Держать поднос, на который клали грязные бинты и тампоны, и миску с чистой горячей водой и отодвигать занавеску над дверью, когда врач входил и выходил. А еще «поддерживать пациента в состоянии покоя», но это ей не понадобилось. Капитан Барроуз скрипел зубами, вцепившись пальцами в одеяло так сильно, что костяшки побелели и стали похожи на игральные кубики.

Когда доктор закончил, сестра, не медля ни минуты, повела его в свою палату, чтобы он выпил чаю с кусочком пирога. Грейс старалась помочь больному, как могла. Она смущалась, придерживая его за плечи, помогая лечь чуть повыше, и постоянно напоминала себе, что пока он здесь – он не капитан Барроуз, не красивый мужчина, губы которого интересной формы, а просто пациент. Подтянув его повыше, поправив подушки и поднеся стакан воды к губам интересной формы, она вновь почувствовала себя медсестрой, и смущение, к счастью, прошло. Она убрала разбросанные клочки ваты, поправила простыню.

– Как тебя зовут?

Грейс не могла взглянуть на него, и даже когда смогла, не сводила глаз с его левой брови, не смея рассмотреть лицо.

– Кемп.

– Ну это понятно. А зовут-то как?

Грейс не сдержала улыбки, которая тут же пропала.

– Сестра.

Повисло молчание. Грейс разглядывала свои руки, лежавшие на одеяле, и внезапно то, что она делала, показалось ей чем-то личным. Поправляла ему простыни, как мать ребенка или жена мужу.

– Ну, пусть будет Кемп. Передай сигареты, пожалуйста.

– Вы ранены в грудь, – сказала она. – Будете кашлять.

– Чушь, – ответил Барроуз, но мягко. Грейс рискнула посмотреть на него. Лежа на подушке, он склонил голову набок, глаза были закрыты. Грейс посмотрела еще. Его плохо побрили под подбородком, где кадык; заметив это, она ощутила в животе странное чувство.

– Ну и как ты здесь оказалась?

Грейс едва не подпрыгнула, услышав эти слова.

– Что вы хотите сказать?

Барроуз махнул рукой.

– В больнице. Здесь почти как в армии, так что я, можно сказать, у себя дома, но я не понимаю, почему люди по своей воле сюда идут, – он чуть заметно улыбнулся. – Нет, ты не подумай, я благодарен, конечно.

Грейс крутила в руке кусочек ваты. Она понимала – большая честь, что он так с ней говорит. Будто она стоит на той же ступени, что и он.

Может быть, это просто маска, которая исчезнет, когда он наденет накрахмаленную униформу цвета хаки. А может быть, он просто очень милый.

Она вновь осмелилась посмотреть – не в лицо, на линию роста волос.

– Выбора не было. Либо это, либо в учительницы.

Вновь повисла тишина. Грейс снова подняла глаза на капитана. Он задумчиво рассматривал ее.

– Уверен, ты хорошо бы поладила с детьми.

– Что с вами случилось? – спросила Грейс, чтобы сменить тему. Его лицо помрачнело, и она прикусила язык. – Простите. Я тупица. Я не хотела...

– Да все в порядке. Тебе нужно это знать. Ты же медсестра.

– Ну, я пока не медсестра. Только учусь. – Внезапно испугавшись, она бросила нервный взгляд через плечо. – Только, пожалуйста, не говорите дежурной сестре, что я вам сказала, а то мне влетит.

Он прижал палец к губам, и Грейс поймала себя на том, что снова их разглядывает. Барроуз закрыл глаза, будто разговор его утомил. Грейс повернулась, чтобы уйти, но его слова, хотя были очень тихими, донеслись до ее слуха:

– Забавно, что ты сказала – учишься. Меня вот учения до добра не довели.

Грейс обернулась.

– Показывали новобранцам, как обращаться с взрывчаткой, – пояснил он и открыл глаза. Они были серыми, под покровом очень густых ресниц. – Один что-то возился, я подошел к нему, но было уже поздно, ну и... – Барроуз махнул рукой.

Грейс ужасно захотелось отмотать время назад и никогда не говорить ему об этом. Зачем она рассказала, что еще учится? Теперь он разозлится. Или еще хуже, испугается, что она неопытна и может ошибиться.

– Я не сделаю вам больно, – сказала она.

Барроуз поднял брови.

– Парень был не виноват, – сказал он. – Просто несчастный случай. Могло случиться с кем угодно.

– Вы очень добрый, – сказала Грейс. Может быть, он верующий?

Барроуз покачал головой.

– Да нет. Он и так сполна заплатил за свою ошибку.

Грейс не сразу поняла, что имеет в виду капитан.

– Ой, – сказала она. – Простите...

– Ты тоже ни в чем не виновата, – он чуть заметно улыбнулся с явным усилием. – Все думают, их ранят в бою, но попасть в такой переплет куда неприятнее.

– Я рада, что не в бою, – сказала Грейс. – Слышала, Чемберлен ⁶ говорит, что бои прекратятся.

– Ну, – сказал Барроуз и вновь улыбнулся, на этот раз печально, – разбирайся ты в политике, как я, ты бы не придавала значения их словам. Верить нужно только их действиям. И так было всегда.

– Вы меня пугаете. – Грейс внезапно затошнило, и она почувствовала себя очень глупой.

– Правда? – удивился он. – А я думал, ты не из пугливых. И потом, все медсестры сделаны из стали, разве нет?

– Может быть, – ответила Грейс, осознавая, что снова позволила себе слишком много, слишком увлеклась разговором. Все думают, она сделана из стали. Не из плоти, крови и неровного дыхания. – Может быть, я такой стану.

⁶ Невилл Артур Чемберлен – лидер консервативной партии, премьер-министр Великобритании с 1937 по 1940 год.

Мина

Боль была всюду, она была всем. Казалось невозможным отделить себя от этой боли. Спустя какое-то время она чуть ослабла, достаточно, чтобы я могла думать, и я подумала: *помогите*. Вряд ли я сказала это вслух, но на секунду почувствовала присутствие кого-то другого. Изменился сам воздух. Я почувствовала чужие запахи и услышала голоса. Женский, спокойный, и мужской, на расстоянии. Низкий и несчастный. Беспокойство, звучавшее в нем, я увидела как красную линию, прочертившую тьму в моих глазах. Красная линия делилась на части, становилась паутиной красных линий, безумным узором. Потом снова сменилась тьмой.

Я знала – с моей головой произошло нечто непоправимое, но оставила эту мысль до лучших времен. Сейчас она слишком пугала. Мозг шарахался от нее, как лошадь, не желающая прыгать. Я попыталась пошевелить пальцами ног и ощутила ими что-то гладкое и холодное, потом подвигала пальцами рук, кистями. Не парализованы. Просто очень, очень сильная боль, мать ее. Когда я выругалась, пусть даже про себя, стало легче. На секунду я подумала, точно ли ругаюсь про себя? Может быть, вслух, а может быть, стою на сцене Королевского оперного театра и так сильно боюсь, что ослепла от страха, или...

Тьма.

Вновь придя в себя, я сразу открыла глаза. Мне осточертела эта сфера неопознанного и хотелось вернуться в реальный мир. Свет был слишком ярким, но я заставила себя смотреть и наконец, неустанно моргая и морщась от ослепительной головной боли, выяснила, что могу видеть. Значит, не ослепла. Узел напряжения внутри меня, о котором я не подозревала, развязался.

Я была в больнице. Это стало ясно, как только я различила железную кровать и подключенные аппараты. Было тихо, занавески на окнах опущены, и я не знала, в палате я, в маленькой комнатке или где.

Голова ощущалась огромной. Будто ее заменили большой стеклянной тыквой. Я хотела подвигать ей из стороны в сторону, просто чтобы понять, получится ли, но одна только мысль о движении причиняла боль. Большая стеклянная тыква, наполненная болью. Я подумала, что смогу чуть приподняться, попыталась сесть, и это вызвало такой страшный всплеск боли, что меня едва не стошнило. Несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув, я осознала с абсолютной ясностью, что все остальные части тела тоже болят. Это плохо.

Занавеска над дверью отодвинулась, и вошла медсестра. Она улыбнулась с профессиональной заботой, как все медсестры.

– Уже проснулись? Как себя чувствуете, милая?

Я открыла рот, чтобы ответить – превосходно, вот думаю перед обедом пробежать марафон, – но у меня вырвались лишь слабое дыхание и сдавленный хрип. Сглотнув, я попыталась еще раз.

– Все хорошо. Вот, выпейте, – подложив ладонь мне под шею, медсестра поднесла к моим губам стакан с водой. Боль вспыхнула с новой силой, так что мне захотелось ударить медсестру. Когда же влага смочила мне рот и скользнула вниз по горлу, я готова была обнять ее. Может быть, ударившись головой, я приобрела диссоциативное расстройство личности. Я хотела спросить у медсестры, нормально ли для человека в моем состоянии испытывать злость, но не рискнула снова пробовать заговорить, и к тому же мне не особенно хотелось знать ответ. Если она скажет, что ненормально, то я, по всей видимости, настоящее чудовище.

Должно быть, я уснула – или потеряла сознание, не знаю – потому что, когда открыла глаза, медсестра исчезла, некоторые аппараты передвинули, а некоторые убрали. Большой прибор, издававший звук «бип» с успокаивающей периодичностью, стоял значительно дальше от кровати и не издавал вообще никаких звуков. Занавески отодвинули, и я увидела, что лежу

в отделении интенсивной терапии. Свет, казавшийся мне ослепительным, на самом деле был довольно слабым, и люди в белых халатах – казалось, их были сотни – делали с аппаратами что-то важное.

Отойдя от кровати, стоявшей чуть поодаль, один из них подошел ко мне. Повернув голову, я посмотрела на него. Он был слишком молод для врача, и я почувствовала себя старой, а потом испугалась, осознав, что не уверена, сколько мне лет. Я ощущала синдром гипервентиляции; он склонился надо мной, и я увидела еще одну профессиональную улыбку.

– Здравствуйте, Мина. Я доктор Адамс. Вы в больнице.

Скажите лучше что-нибудь, чего я не знаю. В данном случае – что угодно, кроме этого.

– Вы перенесли серьезную травму головы и долгое время были без сознания. Мы очень рады, что вы пришли в себя, – пока доктор Адамс говорил, он светил мне в глаза, чтобы зрачки расширились, как у пластмассовой куклы. Потом он улыбнулся чуть теплее.

– Очень больно?

– Как положено, – смогла ответить я. – И еще сесть не могу.

– Не советовал бы пробовать, – сказал он с серьезным видом. – Вы многое пережили. Лучше не торопить события.

– А я хочу, – сказала я, осознавая, что веду себя как маленький ребенок.

Он отодвинулся, как бы желая дотронуться до моего плеча, но не стал.

– Я могу помочь вам сесть, но будет очень тяжело. Если подождете пару дней, станет легче. Выбор за вами.

– Хочу сейчас, – сказала я.

– Введу вам маленькую дозу, и попробуем. – Он что-то сделал с трубкой, присоединенной к моей руке. Я почувствовала слабый прилив, а потом зрение вновь оставило меня, а вслед за ним и все остальное. Обманул, сукин сын, подумала я, прежде чем провалиться в бессознательное. Опять.

Прошло еще много времени, прежде чем я смогла хотя бы какой-то период находиться в сознании. Наконец у меня стало получаться сидеть. Правда, чувствовала я себя при этом так, словно кто-то втыкал в мою голову шпильки, и долго терпеть это я была не в силах.

В тот день мне стало значительно лучше. Я сидела, улыбаясь медсестра родом из Восточной Индии подложила мне под спину подушки, и боль в голове достаточно утихла, чтобы я могла думать. Я смогла задать вопрос, мучивший меня эти несколько дней. Я облизнула сухие губы.

– Что со мной произошло?

– Не помните? – медсестра придвинула к кровати столик на колесах, дала мне пластиковый стакан с водой. Я сосредоточилась на своей руке, стараясь, чтобы она слушалась меня, не тряслась и держала стакан, чтобы я не промахивалась мимо стакана, как раньше, когда проливали всю воду на пол. На этот раз все получилось.

К тому времени как я смогла поднести стакан к губам и наслаждалась сладкой жидкостью, медсестра уже ушла. Лишь когда я успешно выпила всю воду, не пролив ни капли, и поставила стакан на стол, я вспомнила, что хотела задать вопрос. Если честно, я боялась ответа. Самым ценным во мне был мозг. Лучшая ученица в классе, во всяком случае до того, как начала бунтовать, я легко поступила в местный колледж, сдала все экзамены на высший балл и отправилась в университет, чтобы... что-то делать. Я забыла, чем, собственно говоря, заслужила ученую степень, и это так меня испугало, что я решила пропустить этот момент. Я помнила, что работа была сложной, что я избегала развлечений. Помнила, что это давалось мне с легкостью. Все, что я всегда считала само собой разумеющимся, – мой пытливый ум – мне отказывал.

Занавеска вновь зашуршала, но на этот раз вошел не врач, не медсестра, а человек в дешевом костюме. Во мне пробудились задремавшие было инстинкты. Я поняла, что это полицейский, раньше, чем он достал удостоверение.

– Вам не о чем беспокоиться, просто деловой визит, – сказал он. По-видимому, он изображал заботу: его лицо сияло, и всем своим видом он напоминал человека, только что пропустившего стаканчик после обеда. Мне он не понравился, но в этом не было ничего удивительного. Проводя больше времени в сознании, я начала вспоминать, кто я такая, и понемногу выяснила, что не особенно приятная личность. Он достал маленький блокнот.

– Вы здесь семь дней, верно?

Неделю? Это сильно меня удивило. Я почувствовала тошноту. Неделя, проведенная без сознания, не обещала ничего хорошего. Я не расспросила о своей травме – или травмах, – и никто не рассказал мне о них. Как только я осознала этот факт, он показался мне странным. Разве врачи и медсестры не обязаны сообщать? Хотя, может быть, и нет, если травмы тяжелые. Может быть, в таких случаях правила другие. Тяжелые травмы. Я попыталась сглотнуть ком в горле.

– Вы помните, что случилось прежде, чем вы здесь оказались?

Я решила, что лучше всего будет покачать головой и сказать – нет. У меня вырвался лишь слабый шепот, как будто я была тяжело больна. Как будто я была отважной героиней сопливого сериала. Умирающей, но прекрасной. Ха!

– Вы попали в катастрофу. Вы помните об этом?

– Нет, – ответила я. Мой голос окреп от ужаса. Глупого ужаса. Конечно же, я попала в катастрофу. Что еще могло со мной случиться? Это было очевидно, потому я и обеспокоилась. Почему эта мысль раньше не пришла мне в голову? Почему я вообще не задумалась над этим вопросом? И почему я, черт возьми, вообще ничего не помню?

– В автокатастрофу. Вы помните, как вели машину?

– Нет.

– Помните, куда ехали?

– Нет.

Он втянул воздух между зубами и что-то записал в маленький блокнот. Я поняла – он мне не верит.

– Не помню, – сказала я.

– Ну хорошо. Последнее из того, что вы помните?

– До того, как оказалась здесь?

Он кивнул. Выпендрейщик.

Я стала вспоминать. Ничего. Пустота. Во мне поднялась паника.

Это неправда. Я вспомнила очевидное. Меня зовут Мина Морган. Я работала медицинским физиком. Вот блин. Я работала в больнице.

– Где я нахожусь?

Полицейский нахмурился.

– В больнице, солнышко. Вы находитесь в больнице.

– В какой?

Морщины на его лбу разгладились.

– «Ройял Сассекс».

Ага. Звучит знакомо. В «Ройял Сассекс» я и работала. Я вспомнила большие сканирующие аппараты отделения радиотерапии, на первом этаже. Представила себе свою должность, написанную на визитке с логотипом Национальной службы здравоохранения в правом верхнем углу.

Вошла медсестра.

– Две минуты, – сказала она, не глядя на меня, проталкиваясь всем своим крепким телом между мной и полицейским. Я почувствовала прилив симпатии к ней. Мне нужно было осознать все услышанное. Я лежу в больнице «Ройял Сассекс». Там, где я работала. Где люди знали меня как профессионала. Моя работа в больнице была важна, и я ей гордилась. Я подписывала планы лечения и направляла их консультантам по онкологии. А теперь лежу на спине с разбитой башкой. Как жертва маньяка.

– Таков порядок, – ответил полицейский. – Для отчета мне нужны обстоятельства несчастного случая.

– Можете прийти потом, – сказала моя спасительница в униформе. Полицейский вздохнул, потом достал визитку и положил на стол.

– Позвоните мне, если к ней вернется память. Я постараюсь заглянуть на недельке, но не обещаю. Плотный график, вы же понимаете.

Теперь он намеревался войти в доверие к медсестре, но явно не на ту напал. Выставив его наконец, она вновь вошла в палату. Натали? Я пыталась разобрать имя на бейджике.

– Не волнуйтесь, милая. Все вспомните, когда придет время. Иногда наш рассудок нас защищает.

Мне не нравилась мысль, что мой рассудок может мне изменять. Строить против меня козни.

– Я правда ничего не помню, – сказала я. Внезапно мне стало очень важно, чтобы она мне поверила.

– Ничего страшного, милая. Если бы я судила всех, кто здесь лежит, то и работать не смогла бы. – Она налила мне еще воды. – Да к тому же я не хочу, чтоб он вас пытал, когда ваш красавчик ждет за дверью.

– Красавчик?

– Пусть зайдет? – глаза Вроде-бы-Натали загорелись. Ах, романтика! Я все-таки оказалась в сериале. Я уже знала, что будет дальше. Мою амнезию волшебным образом вылечит поцелуй возлюбленного или – желудок снова скрутило – мужа. Я посмотрела на свои ладони. Кольца нет. Бледного следа на безымянном пальце – тоже. Значит, мой молодой человек. У меня есть молодой человек. Я попыталась вспомнить его лицо, имя, хоть что-нибудь.

– Ладно, – сказала я в конце концов, устав напрягать измученный мозг. Просто посмотрю, что за тип.

Когда он подошел к кровати, я сразу же его узнала. Марк. Это Марк. Мой начальник в отделении радиологии вот уже три года. Мой любовник вот уже полтора. Мне было так приятно хоть что-то вспомнить, хоть кого-то узнать, что даже не пришлось изображать радость от этой встречи.

– Ну, привет, – он склонился надо мной и замешкался, как бы раздумывая, можно ли поцеловать. Интересно, я так плохо выгляжу? Когда он в конце концов чмокнул меня возле губ, я уловила знакомый запах. Лосьона после бритья от Пако Рабана. Мыла. Марка.

– Прости, что меня не было рядом, когда ты проснулась. Меня не хотели впускать. Я же не член семьи.

– Привет, – ответила я. – Принес виноград?

В уголках его глаз собрались морщинки.

– Я не уверен, можно ли тебе твердую пищу. – Он заметил, что моя рука дрожит.

– Такова традиция, – сказала я. – К тому же сегодня утром мне позволили съесть ванильный йогурт, так что вечером, пожалуй, порадуя себя говядиной по-бургундски и бокалом красного.

Марк огляделся в поисках стула. Я похлопала по краешку кровати.

– Стульев нет. Сокращение госфинансирования – не шутка.

Марк сел с краю, у моих ног. Места было довольно много, поэтому я узнала о себе еще одно – коротышка.

– Как ты себя чувствуешь?

Я задумалась, с какой из травм начать, и в конце концов сказала:

– Странно. Не знаю, что случилось. Не знаю, как здесь оказалась. Головная боль с ума сводит. – Это было не совсем так. Уже не так. Голова болела, конечно, но по сравнению с всепоглощающей, до тошноты сильной болью в первые дни это была ерунда. Она болела так, что я думала – умираю. Она болела так, что я хотела умереть.

– Должно быть, ты сильно ударилась, когда машина разбилась.

– Не помню. – Меня пронзила ужасная мысль, а вместе с ней – чувство вины за то, что она лишь теперь пришла мне в голову. – А больше никто не пострадал? Во что я въехала?

– В разделительную полосу на автостраде. Нет, никто не пострадал. Чудо, не иначе.

Я попыталась сесть, прислонившись спиной к подушкам.

– Слава богу.

– Ты правда ничего не помнишь?

– Нет. – Помотать головой я не могла, поэтому лишь повторила то же слово для усиления эффекта: – Нет. Я не помню, как садилась в машину. Не помню, куда ехала. Только что здесь был полицейский, и я сказала ему то же самое.

– Эй, – Марк наклонился вперед, погладил мою ладонь сквозь одеяло, – все хорошо. Ты ни в чем не виновата.

– Этого мы не знаем. Я ничего не помню, так откуда мне знать, нет ли пострадавших.

– Ты – пострадавшая. Тебе нужно поправляться. Не грусти.

– Я не грущу, – сказала я и тут же поняла, что все мое лицо мокро. Огромные капли пота стекали мне на грудь. Я потянулась за платочком из упаковки, лежавшей на столе, и моя голова взорвалась.

Очнувшись, я обнаружила, что вновь лежу на спине, Марк ушел, а вокруг так темно, как только может быть в больнице.

Я злилась на себя. При всей моей слабости мне хотелось подольше побыть с Марком. Хотелось смотреть ему в лицо, узнавая, запоминая. Я исследовала провалы в памяти, будто ощупывала кончиком языка выпавшие зубы.

Еще мне хотелось пить. Я понимала, что, если вновь попытаюсь сесть, запросто могу опять отключиться. Отчасти мне, если честно, этого даже хотелось: провалиться в своего рода глубокий сон. Но, с другой стороны, я устала зависеть от своей больной головы. Мне осточертело не понимать, что со мной произошло. Осточертело лежать, погруженной в свои расколотые мысли.

Занавеска у кровати чуть задрожала, будто прошел легкий бриз. Я подождала минуту, думая, что сейчас придет Вроде-бы-Натали или другая медсестра. Но они так и не появились, я отвернулась, желая найти прохладный кусочек подушки и, если повезет, устроиться достаточно удобно, чтобы уснуть.

Но вместо этого чуть не завизжала. У моей кровати стояла фигура. Сначала я приняла ее за девочку – она была очень худенькой, но, приглядевшись, увидела молодую женщину. Ее светло-русые волосы были стянуты в тугий узел, надо лбом висела аккуратная короткая челка, словно накрученная с помощью бигуди. Визжать больше не хотелось. У нее было такое приятное лицо – бледный овал, на котором блестели нежные карие глаза и красивые губы. На ней был какой-то костюм, но, прежде чем я смогла как следует его рассмотреть, она улыбнулась мне такой грустной улыбкой... Я почувствовала, как на глаза навернулись слезы, и хотела попросить, чтобы она помогла мне сесть, – это было странно, ведь я не привыкла просить помощи у незнакомцев – но она исчезла.

Теперь, когда я могла больше времени проводить в сознании, доктор Адамс решил, что настало самое время обследовать мои травмы. Он сказал, что хуже всего мое правое колено, – это я и сама могла ему сказать – и долго рассуждал о задней крестообразной связке и о том, как мне повезло, что коленная чашечка не так сильно раздроблена. Он просил подробно рассказать о проблесках воспоминаний и говорил банальности о времени, о том, что нужно расслабиться, что у меня посттравматический стресс и что мне очень повезло выйти из комы. Когда боль в колене поутихла, я стала ощущать и другие переломы. Приподняв простыню, долго смотрела на мягкую белую гипсовую повязку, покрывавшую левую ногу от бедра до лодыжки. Правое колено – то, которое было хуже всего, – загипсовали, под гипсом шла такая же повязка, закрепленная клейкой лентой, а еще ниже была красная, вся в крапинку кожа. Когда я ее разглядывала, она вдруг начала колоть и чесаться, словно желая привлечь еще больше внимания.

– Что случилось?

Медсестра чуть склонила голову.

– Катастрофа, милая. Так и не вспомнили?

Я чуть пожала плечами. Просто показать, что не вспомнила.

– Доктор Адамс говорит, я разбила колено, стукнувшись о приборную панель. На вид отвратительно.

– Когда вас привезли, было намного хуже, – сказала она. – Хорошо заживает. Не успеете глазом моргнуть, как повязки снимут.

– Больно, – сказала я, хотя мне было не так уж и больно. Спасибо разбитой голове – теперь я знала, что такое настоящая боль. – Зудит немножко. И щиплет.

Медсестра широко улыбнулась.

– Впервые слышу, чтобы об ожогах второй степени говорили – щиплет. Мне будет вас не хватать.

– Меня домой отправляют?

– Нет, упаси Господь. В другую палату. В травматологию или в ортопедическую, где место найдется.

– Не хочу в другую палату, – сказала я. – Мне тут нравится.

– Ведь это же хорошо, что вас переводят из реанимационного. Это стоит отметить. Интересно, удастся ли раздобыть торт?

От этих слов мой желудок опять свело спазмом.

– Когда я все вспомню?

– Не знаю, радость моя.

– Ну в целом. Такие, как я. Сколько времени спустя они вспоминают?

– У меня раньше не было таких, как вы.

Я решила, что она лишь по доброте душевной говорит то, что я хочу услышать. Что я такая особенная, что наша тесная связь уникальна. Эта чепуха, возможно, срабатывала с другими жалкими существами, давала им почувствовать, что о них заботятся, что они в безопасности. Она сработала и со мной, но у меня не было сил злиться по такому поводу.

Она ушла, оставив меня мучиться от зуда ног, потихоньку вызывавших в памяти воспоминания об ожогах. Молодая женщина появилась вновь. Я видела, как она вышла из-за занавески, из складок ткани нарисовалась узнаваемая фигура. Я моргнула несколько раз, но она не исчезла. Потом из-за занавески, откинув ткань, протиснулся Марк, и женщина пропала.

– Ну как ты? – он был не в меру жизнерадостным, чуть ли не веселым. Я сжала кулаки, ногти впились в ладони.

– Слышал хорошие новости? – Я села чуть повыше. – Меня переводят в травматологию. Или в ортопедическую, неважно. Все лучше, чем в реанимации лежать.

– Это здорово, – сказал Марк. Он склонился надо мной и поцеловал, и я внезапно дернулась. Непонятно, что это было, но, когда он подошел ближе, я занервничала. Я рассматривала

его костюм, кожу шеи, линию роста волос. Его волосы росли треугольным выступом, и высокий лоб от этого казался меньше. Странное чувство улетучилось, и он показался мне милым. Было что-то трогательное в опущенных уголках его глаз.

– Я так тобой горжусь, – сказал он, снимая плащ-дождевик и садясь рядом.

И вся теплота пропала. Внезапно вспыхнуло раздражение – он показался мне старым. Не в силах выдавить улыбку, я призналась, что у меня болит колено. Он подскочил и помчался искать медсестру.

Хотелось бы мне знать, что со мной не так. Марк – мой бойфренд. Нет, это глупо звучит. Мой мужчина. Мой любовник. Почему я не рада его видеть? Что-то здесь было не так. Я была счастлива, но несколько минут спустя желала, чтобы он ушел. Интересно, я всегда такая была?

Он вернулся.

– Она говорит, тебе еще час нельзя обезболивающие. Прости.

– Все хорошо. Спасибо, что спросил.

Лицо Марка приняло забавное выражение.

– Что? – спросила я. – Я что-то не то сказала?

– Да нет, – он покачал головой. – Просто ты такая спокойная...

– А обычно не такая? – Мне не хотелось думать, что я изменилась.

– Не такая, как сейчас, нет.

– Я кое-что помню, – начала я. – Но не уверена, что мне хотелось бы это помнить.

Марк внезапно побледнел и отвел взгляд. Я испугалась, не обидела ли его, и печально вздохнула.

– Было бы здорово увидеть всю картину целиком. Но пока лишь одни урывки. И, судя по ним, я была не очень хорошей.

– Это точно, – сказал Марк, к которому понемногу возвращался нормальный цвет лица.

– Ой, – моя тошнота усилилась.

– Да нет, я не в этом смысле. Просто «очень хорошая» звучит как-то бесхребетно, – Марк чуть заметно улыбнулся, – а ты не была бесхребетной.

– Ну а теперь стала. Теперь я совсем бесхребетная. – Я не стала говорить ему, что чувствую себя вообще бесплотной, как будто, если сяду в ванну, утеку в сливное отверстие.

– Быть не может, – ответил он.

На следующий день я осознала, что женщина-призрак – игра ума, результат сильнейшей травмы головы, и уже не обращала на нее внимания. Она была лишь таким же симптомом, как мучительная боль и потеря памяти.

Пришла незнакомая медсестра, а с ней – мой врач. Присмотревшись к нему повнимательнее, я заметила морщинки от смеха и загрубевшую кожу подбородка. Совсем не так молод, как мне показалось вначале. Может быть, даже чуть постарше меня. Сколько мне лет, я вспомнила. Двадцать девять.

– Я очень вами доволен, – сказал он, улыбнулся, и под глазами вновь сбежались морщинки. – Думаю, сегодня выпишем вас из реанимационной.

– Вау, – ответила я. – А домой когда?

Он усмехнулся, как будто бы я попыталась пошутить, и, хотя вышло не смешно, он оценил попытку.

– Я серьезно, – повторила я, – когда домой-то?

Морщинки под глазами пропали.

– Еще не скоро. Вам повезло, что вы вообще остались живы.

– Я думала, так только в сериалах говорят.

– Я всегда это говорю. Особенно когда это правда.

– Ну ладно, – я хотела кивнуть, но побоялась. Если опять отключусь, он может изменить свое решение переводить меня в другую палату.

– Вы явно очень сильно ударились головой, – сказал доктор Адамс. – Сильное внутричерепное давление привело к потере сознания. Мы отводили лишнюю жидкость при помощи шунта, но не знаем, как сильно она вам навредила, прежде чем вы пришли в себя.

Рот наполнился слюной, я тяжело вздохнула. Мне не хотелось задавать этот вопрос, но он беспокоил меня больше других.

– Я была пьяной? Я не помню, что произошло, почему разбила машину.

– Нет, определенно. Ни алкоголя, ни наркотиков, ничего не обнаружили.

– Спасибо, – сказала я искренне.

Сделав еще несколько пометок в моей медкарте, доктор Адамс унесся по более важным делам, а медсестра тем временем что-то сделала с капельницей.

– Вас, скорее всего, переведут в ортопедическую палату. Или в общую, если в ортопедической не будет мест.

Отвернувшись, я старалась не думать об игле в моей руке. О куске металла, впившемся в вену. Я знала, надо держаться, радоваться, что выжила, и все такое, но все эти мысли вызывали только рвотные спазмы.

Потом медсестры убедились в моей способности сидеть, подносить ко рту стакан с водой и самостоятельно питаться клейким грибным супом, не выблевывая его, не падая в обморок и не рыдая, и меня наконец перевели в палату попроще. Названия я не запомнила, что-то вроде «орто», и не удивилась, обнаружив себя в большом помещении, полном незнакомцев с поднятыми к потолку ногами или руками, изогнутыми под странным углом. Я мгновенно исполнилась благодарности к этому миру за то, что у меня сломана лишь одна нога, и то не требует никакой страховочной системы.

К светской беседе я была еще не готова, поэтому попросила опустить занавески, лежала и смотрела на стену, пока не пришло время посещений. Входная дверь открылась, и вошли люди. Родители и родственники, друзья и дети. Кто притащил детей в больницу? Мимо меня кто-то пронесся, от топота ног занавеска заходила волнами. Мне захотелось представить себе семью, которой эти ноги принадлежали. Уловив акценты, я вообразила кольцо с золотым совереном на пальце пузатого отца, мамашу в слишком узких джинсах, стянувшую волосы в прилизанный хвост, и угрюмого десятилетку, с ног до головы в «Найке», но тут занавеска отодвинулась, и всплыл огромный букет цветов. Это были очень красивые цветы, спадавшие каскадом из бледно-зеленой коробочки, – искусная композиция, сооруженная первоклассными флористами. Марк поставил ее на тумбочку у кровати и наклонился, чтобы поцеловать меня. Я чуть повернула голову, и поцелуй пришелся в губы. Я хотела близости. Хотела вспомнить своего мужчину. Свои чувства. Я отчаянно хотела снова почувствовать себя собой. Поцелуй был приятен, губы – мягкие и не мокрые. Это было так знакомо, что мне захотелось броситься в его объятия.

– А виноград так и не принес, – сказала я, желая скрыть внезапный наплыв чувств. Я не была особенно чувствительна. Я вспоминала себя все больше и больше и понимала – слезливая масса, которую навещает Марк, совсем не я. Во всяком случае, не прежняя я.

– Вид у тебя получше. – Он присел на стул у кровати. Поскольку теперь меня не окружали машины космической эры, то и стулу место нашлось.

– Голова не раскалывается, но теперь чувствую, как болит все остальное. Ощущение, будто побили боксеры, – болела грудь, болела спина, ныли ноги, пульсировало левое бедро. Я пошевелила пальцами ног; только они на что-тогодились.

– Сегодня у меня физиотерапия. Попробую ходить, – утром ко мне заявила раздражающе жизнерадостная женщина и болтала о мобилизации, пока я не почувствовала, что вот-вот сбегу от нее галопом по палате.

– Это хорошо, – сказал Марк.

– Думаешь? – Я не стала делиться с ним мрачными мыслями: а вдруг я не смогу ходить? Вдруг мои двигательные навыки отказали мне вместе с памятью? Вдруг подготовка к ходьбе – главный эпизод моей новой жизни, в которой я ковыляю, опираясь на ходунки и пуская слюни, а веселая медсестра меня подбадривает?

– На работе все по тебе скучают.

– Как мило. – Я попыталась представить работу. Коллег. Все, что пришло на ум – расплывчатые черно-белые изображения, и я поняла, что думаю о рентгеновских снимках. Я сглотнула ком в горле. Врач сказал – нужно время, чтобы мозг пришел в норму. Придется поверить на слово. Поверить, что тормозящий мозг, бессвязность сознания и провалы в памяти волшебным образом исцелятся.

Марк коснулся моей руки.

– И я по тебе скучаю.

– Вот же я, – сказала я, хотя понимала, что он имеет в виду. Я тоже по себе скучала.

– Дома все в порядке.

– Это хорошо, – сказала я, представляя себе неясный ландшафт. Глухие переулки, закрученные дороги, ведущие в никуда, незастроенные площади, поросшие некошенной травой. Я знала, должен быть пейзаж, изысканный, красивый пейзаж – горы, долины, города, – но все терялось.

– Я даже посуду мою.

Вглядевшись в лицо Марка, я заметила напряженность, чрезмерную по такому пустяковому поводу. Может, я слишком выносила ему мозг этой посудой?

– Не знаю, сколько тут пролежу, – сказала я.

Марк снова сжал мою ладонь. Теперь он смотрел с облегчением, словно ждал, пока я что-нибудь скажу.

– Ничего страшного. Я никуда не денусь. Но, как только будешь готова, возвращайся домой.

Я попыталась улыбнуться. Я хотела домой. Хотела вернуться в свою квартиру. Нашу квартиру. Я не могла ее представить, как и многое другое, но знала, что хочу туда. Я глубоко вздохнула, ребра сразу же сковала боль.

– Расскажи мне, как там, – попросила я.

– Дома?

– Я ничего не помню, и это сводит меня с ума. Можешь описать нашу квартиру?

Марк держал в ладонях мою здоровую руку. Она тонула в них. Тепло его близости дарило ощущение защищенности. Это было приятно.

– На Гроув-стрит, – начал он и чуть приподнял брови. Я покачала головой. – На первом этаже, что не очень хорошо с точки зрения безопасности, но, как только ты увидела сад, ты и слушать меня не стала.

– Сад?

– Узкая полоска грязной травы и мусора, – он улыбнулся. – Ты все обещала вырастить там что-то, но сама видишь, что случилось.

– Просто тяну время, – сказала я. – Талант садовника не пропьешь, это всем известно.

– Входная дверь, честно говоря, довольно ободрана, да и подъезд тоже, но в квартире очень мило. Гостиная, кухня, спальня. И ванная, конечно.

– Нельзя ли поточнее? Это в любой квартире есть.

– Да, прости. – Марк принялся поглаживать мою ладонь большим пальцем, и мне захотелось ее отдернуть, но я не отдернула, потому что мне нужно было, чтобы он продолжал рассказ.

– Стены белые, но ты завесила их всякой всячиной. Картинами, открытками и вязаными цветами на веревочках. Диван лиловый, бархатный, на деревянных резных ножках. Ты купила его на eBay за сто пятьдесят фунтов и всю неделю только об этом и говорила.

– Да? Хорошо, – я не смогла представить себе свой диван. Не смогла вспомнить. Но вообразила себе, какой лиловый диван могла бы задешево купить на eBay, и удовлетворилась этим. – А еще что там есть?

– Телевизор. Старый, с маленьким экраном. Его пора на помойку.

– А еще?

– Большой полосатый ковер в гостиной. Разноцветный. Посередине розовое пятно, которое ты прикрываешь чайным столиком.

– От вина?

– По-моему, ты говорила, что разлила его в день новоселья. Тогда мы были не очень знакомы, – Марк чуть пожал плечами. – Спальня маловата. Не особенно много влезло.

– Романтично, – заметила я.

Марк улыбнулся.

– Я хотел описать кровать, но это показалось мне странным, – он наклонился поближе, тихо прошептал, – нас могут слышать.

– Ну и ладно, – сказала я. – Какая она?

– Удобная.

– Ух ты. Мы уже сто лет вместе, да?

Марк рассмеялся и потрепал меня по руке.

– Да, довольно долго. Знали времена и получше.

Внезапно я ощутила прилив раздражения, и мне захотелось, чтобы он ушел. По счастью, вошла медсестра и задвинула занавески.

– Простите, – сказала она, – мне нужно измерить ваше давление.

– Я попозже еще зайду, – поднявшись со стула, Марк поцеловал меня на прощание.

– Да нет, вы можете остаться, – заметила медсестра, но он уже натянул куртку и был на полпути к двери.

Медсестра обвила мою руку, которую он только что выпустил, манжетой для измерения давления. Аппарат был автоматический, и, запустив его, она ушла. Я терпеть не могла этот аппарат. Судя по всему, он не собирался останавливаться, пока не сдавит мою руку до размера коктейльной трубочки.

Но вместе с тем я была рада, что мое внимание переключили. Я злилась на себя за чувство раздражения по отношению к Марку. Он был единственным в целом мире, кого я знала. Он был нужен мне. При этой мысли желудок сжался. В памяти всплыло бессознательное воспоминание: тетя Пат качает головой и говорит: «Ты скорее шлепнешься в грязь, чем возьмешься за руку помощи». Пат. Длинные, длинные седые волосы, всегда уложенные в огромный пучок. Густая челка, хмурый взгляд. Замужем за дядей Диланом. Вошенная куртка, морщинки у глаз, долгие прогулки. Значит, я не помню весь прошлый год, а то и больше, но помню Пат и Дилана. Хоть что-то.

Слава богу, я не внесла их в список контактов при чрезвычайных ситуациях и, насколько помню, не рассказала о них Марку. Меньше всего я хотела, чтобы они за меня беспокоились. Нет, дело не в этом. Все куда менее альтруистично. Я просто не хотела их видеть. Не хотела, чтобы они видели меня лежащей на этой нелепой кровати, с разбитой башкой и раздробленной памятью, чтобы Пат, поджав губы, бормотала: я же тебе говорила! – не открывая рта. Я не могла вообразить здесь Дилана, даже с визитом. Его мир – побережье Гауэра ⁷, скалистые бухты под голубым небом, усеянным гагарами. Нет, я справлюсь со всем этим сама. Расскажу им потом, когда поправлюсь.

⁷ Полуостров в графстве Гламорган, Уэльс, Великобритания.

Грейс

Грейс стояла перед закрытой дверью кабинета главной медсестры, вся дрожа, ощущая неясное, нехорошее предчувствие. Провела большим пальцем по брошке-птице, спрятанной в кармане форменного платья, думая, что ей придаст уверенности ощущение знакомой формы. Заостренности крыльев, гладкости эмали.

Все новенькие умирали от страха, когда их сюда вызывали. Они рассказывали истории, как стояли на лоскутном коврикe напротив стола главной медсестры, парализованные ее ледяным голосом и холодными словами. Даже у невозмутимой Эви глаза были красными после того, как ее отчитали за позднее возвращение.

Дело было не в том, что главная медсестра на них кричала. Они давно привыкли к крикам дежурных сестер, отдававших все приказы на повышенных децибелах. Дело было в буравящем взгляде. И в осознании, что одним росчерком перьевой ручки главная медсестра может оставить черный след в их личном деле. Отметину, которая останется навсегда. Отметину, которая существенно снизит их шансы на трудоустройство по окончании обучения или вообще не позволит его закончить. Хуже перспективы до конца дней ходить в санитарках была мысль, что им не позволят носить униформу дежурной медсестры и гаркать на перепуганных новеньких. Короче говоря, мысль, что все эти проклятые судна они отчищали за просто так.

За дверью послышался шум, который вполне мог означать «войдите», но Грейс входить не стала, чему была очень рада, когда минуту спустя дверь открылась и вышел заведующий госпиталем. Он даже не взглянул в ее направлении.

Дверь осталась открытой, и Грейс поймала пугающий взгляд главной медсестры, сидевшей за столом. Гигантское насекомое в накрахмаленной шапочке.

– Сестра Кемп.

Грейс вошла в комнату, стараясь сосредоточиться на том, чтобы переставлять ноги. Она чувствовала, как капли пота покалывают кожу по всему телу, и на один чудовищный миг ей показалось, что она разучилась дышать.

– Мне пришел доклад от сестры Беннетт.

Девушка посмотрела туда, откуда шел голос, но от страха не увидела главную медсестру. Словно Грейс огромными ножницами отрезали от реальности. Она сжала руки, впилась ногтями в ладони, чтобы хоть немного сфокусироваться.

– Судя по нему, – продолжала главная медсестра, – ты вела себя неподобающе с одним из пациентов частной палаты.

Грейс подняла глаза. Неожидаемость обвинения и его явная несправедливость заставили ее заговорить.

– Нет, мэм. Это не...

– Ты ставишь под сомнение честность сестры? – резкий голос главной медсестры напрягся до предела и почти затих.

– Нет, мэм, – ответила Грейс, поколебавшись. – Но...

– Тебя видели за разговорами с капитаном Барроузом, не соответствующими твоему положению в этой больнице. Я предупредила тебя, прежде чем принять на работу, сестра Кемп. Глупостей в моей больнице я не потерплю.

Грейс ощутила, как ужас сжимает ее железной хваткой. Вот и все. Ее отправят домой. Другие девушки боялись черной отметины в личном деле. Грейс боялась, что всему придет конец. Если ее с позором отправят домой, ей останется только наложить на себя руки. Эви рассказывала ей о девушке, которая не прошла обучение. Она выпила бутылку хлорки, и утром ее обнаружили зачочневшей, всю в засохшей блевотине. Вместе с этим осознанием к Грейс

вернулась ясность рассудка. Как бы плохо она себя ни чувствовала, такого она не хотела. Она выпрямила спину.

– Простите, мэм, этого больше не повторится.

– Лично буду следить, – сказала главная медсестра. Удивительно, но на этом, судя по всему, разговор закончился.

Вновь выйдя в пустой коридор, аккуратно и тихо закрыв дверь кабинета главной медсестры, Грейс содрогнулась и глубоко выдохнула. Она чувствовала себя так, словно только чудом не рухнула вниз с обрыва.

На следующее утро она не удивилась, когда, увидев список дежурств, обнаружила, что ее перевели в другую палату. Несправедливость по-прежнему мучила, но вместе с тем пришло облегчение. Пусть она не вела себя с капитаном Барроузом неподобающим образом, но он ей нравился. Пусть ее поведение было безупречно профессиональным, но мысли трудно было назвать столь же безукоризненными. Она думала, как красиво его лицо, как приятны манеры. В его глазах горел мягкий свет, вызывавший в ней недостойные чувства, и она совсем не хотела этих чувств. Она готовила себя к жизни в больнице. К жизни по расписанию, полной тяжелой работы и самопожертвования. Она не хотела напоминаний, что не всегда была сестрой Кемп. Она не могла позволить предателю-сердцу биться хоть немного чаще.

Вечером, когда они с Эви, раздевшись, растирали гудящие ноги, Эви удивила ее, сказав:

– Слышала, тебя на ковер вызывали.

– Да, была у главной медсестры. – Грейс забралась в постель, чувствуя блаженство прикосновения к тонкому матрасу после целого дня на ногах.

Эви смерила ее оценивающим взглядом.

– А ты не такая зануда, как я думала. Хорошее начало.

– Не знаю, о чем ты, – ответила Грейс, отвернувшись к стене, – но этого больше не повторится.

Мина

Когда я уже была в таком состоянии, чтобы подмечать детали, я немного заиклилась на некоторых отличительных чертах своей палаты. Окна были расположены так высоко, что пациенты могли заглянуть лишь в нижнюю их часть, увидеть сквозь стекло дразнящие верхушки деревьев и клочок неба. Эту часть больницы строили еще при Эдуарде ⁸, и, несмотря на свежеевыкрашенные стены и современное оборудование, палата казалась довольно обветшалой. После долгих часов в попытках реставрировать воспоминания о моей жизни я наконец смогла представить свой новенький блестящий кабинет в отделении терапевтической радиологии, и мне казалось невозможным, что в одном здании могут быть два таких разных помещения.

Пол был покрыт таким же промышленного образца линолеумом, что и во всей остальной больнице, но здесь он был в серо-розовую крапинку с выцветающей черной полосой, очертившей всю палату и заканчивающейся у кроватей. Я не могла оторвать от нее глаз и перестать думать, что это след от колес, на которых будто бы катались медсестры далеких времен. Мне нравилось представлять, как они разъезжают по этой траектории, не отклоняясь от размеченного пути, крича пациентам, лежащим в шести футах от них: «Мистер Джонс, сидите так, вы видите, я не могу вам помочь», «Миссис Симт, я бросаю вам судно, а вы ловите!»

У тех дней был распорядок, успокаивавший меня. Из мельчайших деталей – противного звука хлопавшей двери в коридоре, стука подносов с едой, даже неизбежного пробуждения оттого, что Квини, лежавшей напротив меня, через определенные промежутки времени приходили измерять давление, – складывался умиротворяющий фон. В половине пятого прибыла тележка с ужином. Я спросила, почему так рано, и санитарка ответила, что если она начнет позже, то не успеет обойти все палаты до половины шестого.

Запах, исходивший от накрытых подносов, был не слишком заманчивым. Я села и постаралась ощутить голод. Пока старалась, я убеждала себя, какой благодарной должна быть, что жива, что ем как человек, а не через трубочку в пищеводе, как женщина в кровати у окна. В ногах валялось смятое одеяло, но поправить его не хватало сил. На нем были напечатаны слова «Ройял Сассекс», но лежало оно так, что видно было только «секс». Кто-то должен был об этом подумать, прежде чем заказывать одеяла.

– Угощайтесь, солнышко. – Поднос приземлился на мой столик, который был повернут к стене, и я понимала, что вряд ли мне удастся развернуть его самостоятельно. Женщина уже шла к следующему пациенту. Глядя на ее широкую спину, я сказала, обращаясь к этой горе темно-синего полиэстера:

– Извините, не могли бы вы...

Даже не удосужившись повернуться, она быстрым движением крутанула столик на колесиках, и он очутился на полпути от кровати. Сумев ухватиться за край, я стала тянуть его к себе. Когда я уже собиралась поднять железную крышку и насладиться сомнительным ароматом еды, я уловила краем глаза какое-то движение.

Маленькая коричневая птичка спокойно сидела на смятом одеяле в ногах кровати. Она изучала меня, склонив головку набок. Я моргнула, ожидая, что птичка исчезнет, и в глубине души надеясь, что нет. Она казалась странно знакомой, и я не ощутила ни малейшей тревоги. Уже это должно было бы меня обеспокоить, но я не чувствовала ничего, кроме облегчения. Маленькая птичка, сидевшая так спокойно, была напоминанием, что я – по-прежнему я. Из всего, что произошло с тех пор, как я очнулась в больнице, встреча с ней была самым естественным.

⁸ Имеется в виду Эдуард VIII, правивший всего 10 месяцев; то есть больница начала строиться в 1936 году.

Птичка перепрыгнула на край кровати, а оттуда перепорхнула на занавеску. Подлетела к двери и вновь вернулась к перилам кровати. К двери, к кровати. Туда-сюда. Я вспомнила еще кое-что про своих птиц: они появлялись, чтобы предупредить меня о чем-то.

Я отодвинула в сторону столик с подносом. Я хотела сказать ей – я не могу идти за тобой! – но вовремя вспомнила, что не одна здесь. Птичка продолжала порхать. Санитарка закончила грохотать подносами, тележка скрылась из виду, укатила в соседнюю палату. Я осознала, что сижу, согнув ноги, готовые двигаться, и ощутила прилив адреналина. Откинув простыню, свесила ноги на пол. Птица на секунду остановилась, посидела немного напротив меня и вновь перелетела к двери. Не обращая внимания на боль в голове и тошноту, я оторвала зад от кровати, встала ногами на пол. Потянулась к мочеприемнику, висевшему сбоку у кровати, прицепила его к ходункам, стоявшим возле нее, – благодаря этим ходункам я с помощью медсестер добиралась до ванной. Все мое тело покрылось потом, волны тошноты перекатывались по всему телу. Шаркая ногами, я сделала несколько шагов до края кровати, потом прошла полпути до двери. Голова раскалывалась, в глазах темнело, словно они собирались вот-вот закрыться. Колени подогнулись, и с неприятным ощущением трубки катетера, тянущей вниз мои внутренности, я рухнула.

Чья-то рука, подхватив меня под локоть, помогла подняться.

– Что это вы делаете? Вставайте. Быстро в постель.

Я послушно подчинилась – мне отчаянно хотелось лечь. Чтобы боль в голове утихла, чтобы все мышцы перестало тянуть. Повернувшись, я увидела птицу. Она сидела не у двери, приглашая выйти в коридор, на свободу. Она сидела на столике медсестры. Лежа в кровати, я не могла его видеть. Со столика птица перепорхнула на телефон.

В тот же миг я вспомнила кое-что очень важное. Мне звонил Джерейнт. Он прислал мне смс-сообщение. Я не знала, откуда взялось это воспоминание, но оно было ясным и, несомненно, настоящим. Я видела, как держу телефон у лица, прижав к щеке, и слушаю сообщение. Я снова слышала его голос, слышала, как он напрягся от волнения, как запнулся, произнеся мое имя. Будто он бежал или старался не заплакать. Я попыталась вспомнить еще хоть что-нибудь, но не смогла. Я не знала даже, случилось это за день или за несколько месяцев до того, как моя жизнь превратилась в затянувшийся эпизод «Скорой помощи».

Медсестра что-то говорила, укладывая меня обратно в постель. Я понимала, она ждет от меня ответа, но, поскольку не слышала ее слов, ничего не сказала. Джерейнт. Как я могла забыть брата-близнеца? Что еще вылетело у меня из головы? Я представила лицо Джерейнта. Длинные ноги, тощую фигуру. Как он сидит в спальне и слушает музыку, крича, чтобы я закрыла дверь и оставила его в покое. Это было давно, когда он был подростком. Когда мы жили вместе. Я впиалась ногтями в ладонь. Нужно оставаться в настоящем. Мне хотелось встряхнуть глупой головой, чтобы она наконец начала соображать. Нельзя же быть тупой, как овца, ни на что не годной! Я должна помочь Джерейнту. Я нужна ему.

– Мне надо позвонить, – сказала я. – Пожалуйста...

– Я принесу вам телефон. Вам нельзя вставать.

– Я знаю, – ответила я, прекрасно понимая, какой слабой стала, как сильно зависела от людей, помогающих мне. А что, если бы я разозлила медсестру, и она не захотела бы давать мне телефон? Лишила бы меня привилегий. Может, я путала больницу с тюрьмой, но паника поднималась темной пеленой в глазах, оставляя в поле зрения лишь маленькое пятно света.

– Простите, – сказала я как можно смиреннее, так что это прозвучало убедительно даже для меня самой. Вот до чего меня искорежили. Раньше я никогда не пыталась казаться смиренной.

– Ничего страшного, – ответила медсестра. Ее салюнные темные волосы были стянуты в тугую, блестящий конский хвост, складки по обеим сторонам крючковатого носа были забиты расширенными порами. Крупным чертам лица, казалось, не хватало места, они находили друг

на друга, но, когда медсестра помогла мне лечь в постель, принесла телефон и – хвала небесам – поставила в зоне досягаемости, она показалась мне красивой.

Я набрала номер, который чудесным образом не забыла. Будто он ждал меня в глубинах памяти, ждал, когда я вспомню, что у меня есть брат и что он в беде. Я слушала гудки, но как бы сильно ни хотела, чтобы Джер взял трубку, ответа не было. Я представила щелчок и звук его голоса, представила, как он спрашивает: «Да?», как интонация взлетает вверх. Я видела и слышала каждую мельчайшую деталь так ясно, что почти поверила – он в самом деле ответил. Но гудки повторялись, словно издеваясь надо мной.

Я собиралась положить трубку, когда вошел Марк. На этот раз без цветов.

– Выглядишь намного лучше.

Быстро поцеловав меня, он сел на стул у кровати. Его лицо было гладко выбрито, на горле я заметила небольшой порез. Представила, как он стирает капельку крови бумажным или фланелевым носовым платком, вспомнила запах лосьона после бритья. Эти воспоминания навели меня на мысль... которую я не смогла удержать, и только разозлилась, поэтому отмела ее в сторону и сосредоточилась на Марке. Он хмурился, глядя на телефон.

Его лицо было напряжено, и это меня обеспокоило. Если совсем честно, это меня напугало, хотя так остро реагировать, конечно, было глупо. Я попыталась завязать разговор, избавиться от внезапной паники и размышлений о том, почему у Марка такой суровый вид.

– Неужели такие еще выпускают?

– Что? – Складка на лбу Марка стала еще глубже, и он резко постарел на десять лет. – Тебе кто-то звонил?

– Нет. Я про телефоны. Смотри, – я подняла трубку, – какая тяжелая. Я уже забыла, какие они. – Я подержала громоздкую трубку в руке, ощущая непривычные изгибы. Этот телефон был так не похож на мой. С сенсорным экраном. В кожаном чехле, открывавшемся, как книжка. Воспоминание о нем было четким и ясным.

– Где мой мобильник?

Марк выпрямил спину.

– У тебя его нет.

– У меня нет мобильного? У всех есть мобильник, – я обвела рукой палату, – даже у Квини, хоть она и бездомная.

Я точно помнила, как прослушивала на мобильном голосовое сообщение от брата-близнеца. Возникло стойкое ощущение, что Марк мне врет, и в животе у меня что-то оборвалось.

Он взял меня за руку и погладил ладонь большим пальцем, так что мне захотелось ее отдернуть.

– Ты всегда говорила, они не нужны.

– Быть не может. – Мне захотелось встряхнуть головой в подтверждение своих слов. Я отчетливо представила себе лицо Марка. Не сейчас, в прошлом. В сознании выплыл внезапный, ослепительно ясный образ.

– Ты так говорила. Ты говорила, они – пустая трата денег, продукт культуры потребления. Мы даже ссорились из-за этого. – Марк наконец выпустил мою руку.

– Не помню.

– Совершенно точно тебе говорю. Не расстраивайся. Ты могла что-то перепутать. Вспомни, что сказал врач.

– Я ничего не перепутала. – Я помолчала, потом продолжила: – Уж это я точно помню. У меня был мобильник. С сенсорным экраном.

– Он был у Парвин, – сказал Марк, – и ты говорила, это отвратительно.

Теперь я была уже не так уверена в своей правоте. Если мне не нравились сенсорные экраны, возможно, мне в самом деле вспомнился чей-то чужой телефон. Может, я играла с мобильником Парвин, и это запало мне в память.

– А кому ты собралась звонить?

Я легла и закрыла глаза, чуть дернувшись, словно от резкой головной боли, надеясь выиграть несколько секунд на размышления. Не знаю почему, но инстинкт подсказывал – надо врать.

– Тете?

От удивления я открыла глаза.

– Пат? Если дашь мне ее номер, я сам ей позвоню. Сообщу, что случилось.

– Не надо. – Я снова села, пусть и с трудом.

– Это не проблема. Если хочешь... если не помнишь, я могу посмотреть в адресной книге. Я знаю, где она у тебя лежит.

– Нет, – вновь сказала я как можно тверже. – Не надо.

Марк, судя по всему, остался этим доволен.

– Как считаешь нужным.

– Не хочу их расстраивать. Все нормально.

Он поднял руки вверх.

– Я же сказал – будь по-твоему.

Я изо всех сил старалась сосредоточиться на своих мыслях. Он ни слова не сказал о Джерейнте – это могло означать, что они незнакомы. Глядя на мужчину в костюме, который пришел меня навестить, я пыталась вспомнить. Видимо, он достаточно мне понравился, чтобы я могла рассказать ему о тете Пат, – я уже многое поняла о своем характере и была абсолютно уверена, что не любила делиться такой информацией. Он не упомянул ни маму, ни папу, а сразу перешел к тете. Я пыталась сложить пазл, но слишком много кусков потерялось, и не было коробки с картинкой.

Когда пришло время физиотерапии, оказалось, что в помощники мне выделили не бодрую дамочку с высокой прической, а раздражающе подтянутого блондина, похожего на викинга. Из тех, кто, закончив с изнурительными ежедневными упражнениями, идет играть в регби – уже для собственного удовольствия. С болью поднимаясь на ноги, преодолевая в себе желание отключиться, я ощутила, как оскорбительна его аура цветущего здоровья. Само его присутствие было плевром в лицо каждому пациенту этой палаты.

Викинга звали Симон, и вскоре я поняла, что его ангельская внешность, дружелюбная улыбка и мягкий северный акцент обманчивы. Он был садистом. Сперва я этого не заметила, поскольку была слишком обрадована возможностью стоять, не падая в обморок. Головокружение накатывало волна за волной, но я держалась. Мне было так хорошо! Хотелось вскинуть вверх кулаки, но я недостаточно устойчиво стояла, поэтому вскоре снова опустилась на кровать.

– Подъем, подъем, – скомандовал Симон. – Еще раз.

Не знаю, почему он говорил со мной как с маленьким ребенком. Приподняв бровь в самой изысканной манере, я довольно вежливо ответила:

– Нет, спасибо. На сегодня хватит.

Он рассмеялся, будто услышал шутку, и ухватил меня за руку.

– Оп-паньки!

Теперь я точно знала, что поправляюсь, хотя бы ради того, чтобы врезать ему по яйцам.

Прежде чем я осознала, что происходит, я уже плелась шаркающей походкой за викинг-гом, держась за его руки; он тянул меня за собой, даже не пытаясь скрывать, до чего меня унижает.

Сделав несколько шагов, я почувствовала: меня вот-вот стошнит. Я хотела сказать ему об этом, но в голове стучало так сильно, что я утратила дар речи.

Должно быть, я все же потеряла сознание, потому что не помню, как вернулась в постель и как ушел викинг. Осознав, что я одна и в горизонтальном положении, я тут же уснула.

Спустя три дня в его компании я вынуждена была нехотя признать: мое состояние улучшилось. Он не заставлял меня ходить на костылях, спасибо и на том, и я плелась за ним по палате и смежному коридору, а он развлекал меня разговорами. Вот что было труднее всего – поддерживать беседу. Я казалась себе скрипучей, проржавевшей. Привычная легкость в общении и богатый словарный запас оставили меня после катастрофы, я ощущала себя выпцетшей, раздетой догола. Как будто я была слишком мало защищена от окружающего мира. Это пугало.

– Что, прости? – я поняла, что викинг какое-то время говорил со мной, а теперь замолчал, по всей видимости, ожидая ответа.

– Да нет, ничего. Все хорошо, – его тон был невыносимо деликатен, и это меня добило. – Ты молодец. Сегодня мы дойдем до конца.

Я чувствовала себя сильнее и устойчивее. Мне повезло, что я могла ходить, что не пришлось учиться заново, но в то же время я не верила в свое выздоровление, и мне казалось – все эти дни я пролежала без сознания. Несмотря на мучительную боль в голове и спине, мне казалось, будто я должна чувствовать себя хуже, что я не могу двигаться по коридору с энергичностью, которая все возрастает.

– Полагаю, тебе скучно тратить на меня время, – сказала я, к своему удивлению.

– Вот и нет, – он улыбнулся мне. – Это моя работа.

– Ты не похож на физиотерапевта, – не знаю, почему я решила поддержать разговор ни о чем. Никогда их не любила. Ответ тут же пришел сам собой: мне было одиноко. Слишком много времени я проводила в постели совсем одна, слишком мало общалась с Марком, и даже в эти редкие часы меня не отпускало надоедливое чувство отчужденности. Будучи отрезанной от стольких воспоминаний, я ощущала себя в изоляции.

Викинг не ответил, и это было с его стороны достаточно честно. Что он мог ответить на такую пустую фразу? Заметив, как меня заносит набок, он очень бережно взял меня за руку.

– Раньше я плавал, – сказал он, сворачивая к концу коридора. Он произнес эти слова так, что стало понятно: он имеет в виду не значок, который ему выдали в местном бассейне за заплыв на десять метров.

– А я раньше ходила, – ответила я и попыталась улыбнуться, как нормальный человек. За это он сжал мне руку повыше локтя.

Я радовалась прогрессу... но тут как громом поразило, потому что вновь появилась молодая женщина. Та, в белом фартуке, не похожая на настоящую.

Она чуть заметно улыбнулась, не показав зубов. Я постаралась не обращать на нее внимания. Мне не хотелось иметь ничего общего с плодами моего воображения. У меня и без того хватало проблем, чтобы еще добавлять галлюцинации в эту смесь.

– Все в порядке, Мина? – безукоризненное лицо викинга приняло вопросительное выражение.

Я кивнула. Со мной все в порядке. Я не вижу несуществующих людей. Ничего этого нет.

Как-то я читала книгу одного из тех популярных психологов, что описывают различные типы галлюцинаций у людей, переживших серьезные черепно-мозговые травмы, у слепнувших и все такое. Эта теория очень меня успокоила, так что я решила не поддаваться панике и не спрашивать викинга, не совсем ли я полоумная.

– Мина?

К тому же я много лет видела ненастоящих птиц. Не стоит поддаваться панике из-за призрака женщины! У меня просто нездоровое воображение. Я слишком напряжена.

Викинг так и смотрел на меня, всем своим видом выражая тревогу. Я с трудом улыбнулась.

– Я устала, – сказала я, – все болит.

Он тут же перестал беспокоиться, морщины на лбу разгладились, взгляд говорил – это совершенно нормально. Все как всегда.

– Ну, еще немного.

– Тебе никогда не давали под дых? – поинтересовалась я невинно, вновь направляясь к кровати.

– Сотни раз, – ответил он жизнерадостно, и я не могла сдержать улыбку, падая на кровать. Женщина так и не пропала. Она стояла рядом, даже когда Симон уже ушел на поиски новой жертвы.

– Я собираюсь спать, – сказала я громко.

– Спи, солнышко, – ответила Квини.

Женщина не пошевелилась, не изменила выражения лица. Но она казалась доброй, и я ее не боялась.

– Спокойной ночи, – сказала я, стараясь говорить уверенно, но не грубо. Женщина лишь посмотрела мне в глаза – и я смотрела на нее, пока мои веки не стали слишком тяжелыми и я не погрузилась в сон.

Грейс

В первые несколько месяцев обучения Грейс к концу дня была так измучена, что какие-то развлечения после трудового дня, кроме как рухнуть в постель, казались невыносимыми. Самой большой радостью было дожидаться, пока Эви покинет комнату, и тихонько выплакаться. Понемногу она, однако, приспособилась к тяжелой работе, и дни приняли определенную форму. В повседневной рутине был распорядок, и это успокаивало Грейс, погружая в ступор.

Выплыв наконец на поверхность из мрачных волн изнеможения и узнав, что медсестры имеют право покидать больницу, она ощутила отчаянное желание хоть ненадолго оттуда выбраться. Им полагался выходной – всего один в месяц, и то только с разрешения дежурной или главной медсестры; но еще было свободное время. Для дневных медсестер это означало пару часов по вечерам и полдня раз в неделю. Как правило, в таких случаях они по двое – по трое выбирались в город, взявшись за руки, в приподнятом настроении. Они сидели на пляже и бултыхались в море, они наслаждались роскошными обедами и пирожными с кремом в городских кафе. Самые смелые и энергичные по вечерам отправлялись на танцы. Хотя сестра Беннетт осуждала такие развлечения, правилами они не возбранялись, и она ничего не могла поделать.

Грейс сидела на кровати, растирая усталые ноги и глядя, как собирается Эви. Стыдливость первых недель прошла без следа, и теперь она спокойно помогала ей надеть бюстгальтер и застегнуть крючки на платье сзади.

К десяти часам нужно было вернуться. Неважно, что они жили отдельно от родителей, выполняли свою работу и получали зарплату – здесь были правила, и, если дежурная сестра или привратник поймали бы нарушительницу, ее немедленно вызвали бы на ковер к главной медсестре.

– Живем как в тюрьме, – постоянно жаловалась Эви, – как в клетке.

– Нас просто хотят защитить, – сказала Грейс, повторив слова дежурной сестры в первый день.

– Не думаю, что *тебя* надо защищать, – ответила Эви противным голосом. – Уверена, твои моральные принципы в безопасности. Бьюсь об заклад, ты в жизни ничего такого не совершила.

Грейс ничего не ответила, разделась и забралась в кровать. Когда Эви наконец закончила собираться, она делала вид, что читает. Убежав на танцы в госпитальном бараке, Эви сказала: смотри не усни без меня! Ее голос был полон жизни и предвкушения веселья. Грейс отвернулась и смотрела в стену, пока не услышала, как захлопнулась дверь.

Было почти без четверти одиннадцать, когда Эви пробралась в спальню через окно. Если бы ее поймали, она предстала бы перед грозными очами главной медсестры, не успев войти в ворота. У Грейс была мысль закрыть окно наглухо, вынудив таким образом Эви бродить туда-сюда, пока ее не поймут, но она знала, что не сделает этого. Эви была лишена всякого такта и всецело поглощена собой, она ранила чувства Грейс, но такого не заслужила. К тому же они теперь были как сестры, которые объединились против родителей. Мы и они. Во всяком случае, Грейс казалось, что так бывает у сестер. Она лишь читала о таком в книгах.

Новенькие, какими бы ни были, всегда по возможности заботились друг о друге. Одна караулила, не пройдет ли дежурная медсестра, пока другие в кухне набивали живот остатками пирога и кусочками хлеба с маргарином, если пришли к обеду слишком поздно и им не досталось ничего, кроме остывшего пудинга из смородины, который и в свежем виде был довольно плотным, а уж после трех часов на открытом воздухе прожевать его вообще не представлялось возможным.

Грейс притворилась, что спит. Она слышала тихий шум шагов по полу, тихие, как шепот, движения – Эви раздевалась и укладывалась в постель. Возвращаясь поздно, она не смывала макияж, так и засыпала с подведенными глазами. Утром, прежде чем посетить ванную, напоминала скорее пациентку, чем медсестру.

Грейс лежала тихо. Она ждала, пока дыхание Эви не станет ровным и глубоким, и сдерживала свое, не в силах расслабиться, пока Эви не уснет. Но внезапно тихое сопение стало прерывистым. Грейс напряженно вслушалась и в следующий миг осознала, что Эви плачет.

– Что такое? – прошептала Грейс и услышала щелчок в горле Эви – та сглотнула.

– Да так.

– Что-то случилось?

Повисло молчание, и, когда Грейс уже решила, что Эви ей не ответит, та сказала:

– Я скучаю по дому. Глупо, конечно. Мне там не особенно и нравилось.

Теперь ее голос был увереннее, как у привычной Эви. Накрашенной Эви.

Грейс почувствовала, как тишина между ними все растет и истончается, превращается в большой мыльный пузырь. Подвинувшись к краю кровати, Грейс протянула руку через узкую полоску между кроватями. Она не могла дотянуться пальцами до соседки и хотела что-то сказать. Что-то, что успокоило бы Эви. И внезапно ощутила, как кончики пальцев Эви коснулись ее руки.

На следующий день Эви вела себя так, словно ничего не произошло. Когда Грейс спросила у нее, все ли в порядке, та высоко подняла голову и холодно сказала:

– Конечно, дорогая.

За завтраком Эви не села рядом с Грейс, как обычно, а во время десятиминутного перерыва, увидев ее в курилке, поднялась с законного места у батареи, отдала недокуренную сигарету стоявшей рядом медсестре и ушла.

Грейс решила оставить ее в покое до конца смены. Она не сомневалась – в каком бы настроении ни была соседка по комнате, долго оно не продлится. Эви была не из тех, кто подолгу бывает не в духе.

Не считая склонности к некоторым нарушениям правил и к роскоши, Эви была прирожденной медсестрой. Грейс завидовала ее манере управляться с пациентами. Там, где она сама пробиралась по стеночке, боясь, что ее в любой момент раскроют, что пациент вот-вот, показав на нее пальцем, завизжит: самозванка! – Эви вела себя как опытный профессионал. Неважно, что ей, как и Грейс, было всего двадцать – она говорила с пациентами таким тоном, будто была медсестрой еще задолго до их рождения. Со стариками и старушками, с юными солдатами и с детьми – со всеми она обращалась уверенно, чуть строго. И все обожали ее за это.

– Что значит – дать вам бутылку? – говорила она, подходя к кровати. – Сейчас не время, и у меня много других дел.

Эви не была жестока. Она подносила бутылку тем, кому нужно было уменьшить боль, и взбивала подушки, и подавала носовые платки, и делала все, что требовалось, но всегда с резким замечанием и усталой расторопностью.

Взрослые выражали ей свое уважение и почтение, а за спиной шептались о ней с большой любовью. Грейс однажды услышала слова пациента:

– Ой, у нас опять сегодня сестра Джонс. Вообще-то мы и сами справимся, чего ее зря беспокоить.

Дети находили ее уморительной. Чем суровее становилось ее лицо и резче тон, тем громче они хихикали, тем с большим восхищением смотрели в ее хмурое лицо.

– Томми Вилкинс, ты опять чесался? Еще раз снимешь рукавицы, я их клею намажу. И нечего делать такие глаза, это на меня не действует. – Повернувшись, она уходила прочь, оставляя Томми Вилкинса трястись в конвульсиях от смеха.

Они прозвали ее Колючкой, что, конечно, было сокращением от Злючки-Колючки; Эви делала вид, будто этого не замечает. Когда Грейс вместе с ней дежурила в детской палате, отовсюду только и слышалось: на помощь, Колючка! – а дети повежливее жалобно тянули: Колючка, ну пожалуйста...

По выходным Эви бунтовала. Когда другие девушки валились с ног от изнеможения, в ней по-прежнему бурлил неиссякаемый источник энергии. Она почти не бывала в больнице и приходила туда, только чтобы поделиться рассказами о поклонниках и поцелуях, похвастаться подарками от ухажеров: мягкими кожаными перчатками, шелковыми чулками, кашемировой шалью масляно-желтого цвета.

Эви знала все модные песни и танцы. Она часто устраивала в курилке представления, бесстрашно распевая, не всегда попадая в тон, принимая вызывающие позы. Положив руку на бедро, бросала через плечо дерзкие взгляды. Это было неестественно и наигранно, но у Грейс появлялось непонятное чувство.

В палату вошла сестра Беннетт и, как всегда в своем репертуаре, принялась вопить на Грейс с расстояния десяти футов:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.